

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Историко-филологический факультет
ПИ им. В. Г. Белинского

Направление подготовки

Профиль

Форма обучения

Кафедра «Всеобщая история и
обществознание»

44.03.05 – Педагогическое
Образование

История. Обществознание

Очная

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему:

«Дихотомия «свой–чужой» в контексте самоидентификации человека в
тотальных институтах»

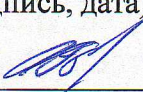
Студент

(подпись, дата)

Красильников Андрей
Сергеевич

Руководитель

(подпись, дата)

Белоусов С.В.

Нормоконтролёр

(подпись, дата)

Ставицкий В.В.

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от 20.05.2025 № 12)

Заведующий кафедрой

(подпись, дата)

Белоусов С.В.

Работа защищена с отметкой отм. (протокол заседания ГЭК от 01.07.25 № 124)

Секретарь ГЭК

01.07.2025

(подпись, дата)

Семина Н.В.

Пенза, 2025

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Педагогический институт имени В.Г. Белинского

Историко-филологический факультет

Кафедра «Всеобщая история и
обществознание»

Направление подготовки:
44.03.05 Педагогическое образование
(с двумя профилями подготовки)
профили «История. Обществознание»

УТВЕРЖДАЮ:
Зав. кафедрой ВИиО

«__» _____ 2024 г.

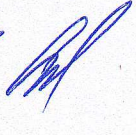
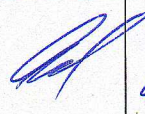
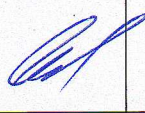
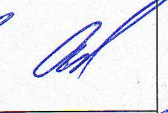
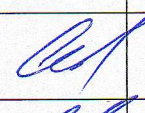
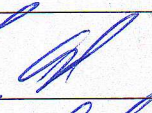
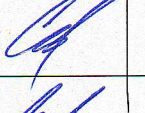
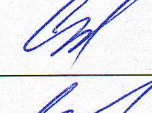
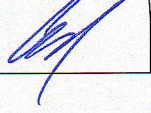
ЗАДАНИЕ

ПО ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЕ

Красильникова Андрея Сергеевича

1. Тема выпускной квалификационной работы:
«Дихотомия «свой–чужой» в контексте самоидентификации человека в тотальных институтах»
2. Руководитель: д.и.н., профессор С.В. Белоусов
3. Срок сдачи студентом законченной работы: «03» июня 2025 г.
4. Перечень подлежащих разработке вопросов:
 - провести анализ основных теоретических подходов к пониманию терминов дихотомия «свой-чужой» и «тотальный институт»;
 - выявить социальные и культурные факторы, влияющие на восприятие «своих» и «чужих»;
 - исследовать влияние различных типов тотальных институтов на процесс самоидентификации личности;
 - рассмотреть, как изменение социального контекста (например, цифровизация, глобализация) влияет на границы между «своими» и «чужими» в современных институтах;
 - выявить несколько современные школы стремятся к критериям Э. Гоффмана и оценить ситуацию в России;
 - произвести методологическую разработку воспитательного мероприятия (классного часа) для ознакомления школьников с данным феноменом.

5. График выполнения выпускной квалификационной работы

№ п/п	Вид деятельности	Срок выполнения раздела	Подпись рук.	Подпись зав. кафедрой
1	Написание заявления на выбор темы выпускной квалификационной работы: Разработка предварительной структуры выпускной квалификационной работы; подборка библиографического списка по теме выпускной квалификационной работы (не менее 30 источников)	09.09.2024- 28.10.2024		
2	Сдача на проверку 1 главы выпускной квалификационной работы	03.03.2025		
3	Сдача на проверку 2 главы выпускной квалификационной работы	01.04.2025		
4	Подготовка выступления на ежегодной научно-практической конференции	01.04.2025- 16.04.2025		
5	Написание не менее одной статьи по теме выпускной квалификационной работы и публикация	01.04.2025- 16.04.2025		
6	Прохождение предзащиты, получение допуска к защите	16.04.2025- 02.06.2025		
7	Представление завершенной работы.	03.06.2025		
8	Проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат.ВУЗ»	06.06.2025- 10.06.2025		

6. Дата выдачи задания «28» октября 2024 г.

Руководитель

(подпись)

С.В. Белоусов

Задание принял к исполнению студент

(подпись)

А.С. Красильников

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Теоретическая основа понятий дихотомия «свой–чужой» и «тотальный институт».	12
1.1. Социологические подходы к понятию «свой–чужой»	12
1.2. Понятие «тотальный институт»	19
Глава 2. Проявление «свой–чужой» в тотальном институте.....	26
2.1. Основная социологическая характеристика.....	26
2.2. Особенности проявления дихотомии в институтах различного типа	28
2.3. Тотальные институты в контексте современного мира	35
2.4. Школа как квази–тотальный институт	37
Глава 3. Применение результатов исследования	39
3.1. Исследование черт тотального института в современных российских школах и проявления дихотомии «свой–чужой».	39
3.2. Методическая разработка воспитательной программы в рамках классных часов и мероприятий.....	44
3.3. Технологическая карта мероприятия	55
Заключение	65
Список использованных источников и литературы	67

Введение

Актуальность темы исследования. Современное постиндустриальное общество справедливо характеризуют как наиболее свободным для жизнедеятельности человека. С одной стороны, можно выделить целый ряд ключевых общественных институтов, которые в той или иной степени реализуют или защищают базовое право человека на индивидуальную свободу. Однако, с другой стороны, общество постмодерна породило и наиболее радикальную форму добровольно-принудительного ограничения свободы, а именно «тотальный институт». Кроме того, на протяжении последнего столетия он активно эволюционировал и начал приобретать яркие внутренние социальные и культурные черты, в особенности с активным распространением массовой культуры. Таким образом, начинают формироваться самостоятельные ячейки общества со своим микрокосмом и уникальной идентичностью. Это в свою очередь наиболее активно начинает проявляться в те периоды, когда формальная власть начинает слабеть и общество находится на грани серьёзных социальных изменений в, так называемой, аномии. Поэтому необходимо обратить внимание на феномен дихотомии «свой–чужой» в контексте самоидентификации человека в тотальном институте, так как именно это определяет дальнейшее поведение человека. Также изучение дихотомии «свой–чужой» позволяет раскрыть, как индивид адаптируется к жестким нормам, формируя новую системную принадлежности. Это важно для понимания групповой динамики и конфликтов в таких условиях.

Кроме того, актуальность исследования обосновывается тем, что в эпоху цифровизации тотальные институты эволюционируют (например, закрытые онлайн-группы, корпоративные культуры с жёсткими правилами). Исследование дихотомии «свой–чужой» в таких контекстах актуально для анализа киберсоциализации и манипулятивных практик в интернет-пространстве.

Помимо вышесказанного, вслед за американским социологом Э. Хьюзом необходимо помнить и о таком явлении как «квази-тотальные организации» (quasi-total organizations), которые, несмотря на то, что они не обладают всеми признаками классического тотального института, имеют схожую динамику развития в контексте самоидентификации личности, а также они более распространены.

Помимо этого, в прессе периодически появляются публикации касательно того, что некоторые привычные общественные организации постепенно превращаются в тотальные институты. Так, «карательная повестка разнообразия» стала причиной распространившейся несвободы в университетах¹, а это в свою очередь стало причиной появления новой дихотомии «свой–чужой» уже в новых рамках и искусственно созданных барьеров. Человека буквально можно «отменить», за то, что он эксплицитно не поддерживает «общественно значимую деятельность» и не поддерживает с этим ежедневную связь.

Также стоит отметить тенденцию на ужесточение условий пребывания людей в классических тотальных институтах и, как следствие, обострение проблемы «свой–чужой» во внутренней среде данных социальных групп. Так, можно отметить увеличение жестокости в тюрьмах², злоупотребление полномочий и ухудшение ситуации в целом³, проблемы с психиатрическими

¹ The University as a Total Institution. [Электронный ресурс] // Quillette. – URL: <https://quillette.com/2017/01/02/the-university-as-a-total-institution/> (дата обращения: 10.04.2025).

² «Через пару дней они начинали есть мух» [Электронный ресурс] // Лента.ру. – URL: <https://lenta.ru/articles/2022/02/06/prison/> (дата обращения: 10.04.2025).

³ Current trends, key challenges and human rights. [Электронный ресурс] // United Nations Office on Drugs and Crime. – URL: <https://www.unodc.org/e4j/ru/crime-prevention-criminal-justice/module-6/key-issues/2--current-trends--key-challenges-and-human-rights.html> (дата обращения: 10.04.2025).

учреждениями¹, а также повышения насилия в армии и произвола со стороны начальства².

В целом работа также актуальна для восполнения академического пробела. Несмотря на работы Гофмана о тотальных институтах, аспект дихотомии «свой–чужой» изучен недостаточно, особенно в контексте постсоветского пространства. Исследование заполняет этот пробел, предлагая новые данные для сравнительного анализа.

Объектом исследования выступают общественные отношения и личностная адаптация в условиях тотального института.

Предметом исследования является дихотомия «свой–чужой» в контексте самоидентификации личности в тотальном институте.

Степень изученности проблемы. В работе использованы труды как отечественных, так и зарубежных исследователей. В целом можно выделить ряд тематических блоков, по которым рассматриваются те или иные вопросы, связанные с заявленной темой, а также проследить тенденции о перспективности её изучения. Так, можно сказать, что тема востребована и активно обсуждается

Некоторым вопросам эволюции и развития тотального института в России был посвящен отдельный том «Журнала исследований социальной политики»³. Проблему адаптации личности и его эволюцию самоидентификации и в целом жизнедеятельности рассматривали О.А. Власова⁴, А.Ю. Мацкевич и А.В. Комбаев¹. Вопросу функционирования

¹ «Там всё решают санитары – бывшие зэки или военные». [Электронный ресурс] // МСК1. – URL: <https://msk1.ru/text/health/2023/07/31/72548855/> (дата обращения: 10.04.2025).

² Military Justice and the Response to Everyday Violence in the British Armed Forces [Электронный ресурс] // E-International Relations. – URL: <https://www.e-ir.info/2025/02/07/military-justice-and-the-response-to-everyday-violence-in-the-british-armed-forces/> (дата обращения: 10.04.2025).

³ Бочаров Т.Ю. Тотальные институты в России // Журнал исследований социальной политики. Москва, 2019. Т. 17. № 3. С. 329–330.

⁴ Власова О.А. Социология человека Ирвинга Гофмана: личность как сопротивление социальному в теориях стигматизации и тотальных институций // Социологический журнал. Москва, 2011. № 4. С. 5–20.

армии, а также тотальных институтов в переходный период посвящена работа Т. Бочарова². Проблему квази-тотальных организаций поднимает Ю.В. Рыболовлева³. Также современный аспект информатизации тотальных институтов, в частности, социальных сетей рассматривают А.Н. Олешкова⁴. Кроме того, находятся попытки найти черты тотального института в детских лагерях в работе Е.В. Абашкиной⁵. Также рассматривался вопрос адаптации военнослужащего С.А. Дзюбенко⁶. Аспекты функционирования религиозных тотальных институтов рассматривались К.С. Медведевой⁷ и С.В. Рязановой⁸. Отдельно рассматривается и проявлении девиации в работе И.В. Мкртумова⁹.

В зарубежной литературе вопрос рассмотрен более детально, однако и представлены более радикальные точки зрения. Так Н. Моузель критиковал теорию тотальных институтов и предлагал более расширенную классификацию¹⁰. Кроме того, общим методологическим вопросам

¹ Мацкевич А.Ю. Жизненный мир в условиях тотального института // Власть. Москва, 2021. № 1. С. 131–135.

² Бочаров Т.Ю. Правила, время и насилие в казарме: логика тотального института в переходный период // Журнал исследований социальной политики. Москва, 2019. Т. 17. № 3. С. 359–374.

³ Рыболовлева Ю.В. Тотальные и квази-тотальные организации: обзор основных концепций // Вестник экономики, права и социологии. Казань, 2011. № 2. С. 238–240.

⁴ Олешкова А.М. Социальные сети как современный тотальный институт // Общество: политика, экономика, право. Краснодар, 2024. № 10. С. 61–66.

⁵ Абашкина Е.В. «Линейка», «Зарядка», «Свечка»: воспроизводство порядка в ритуалах повседневности летнего лагеря // Logos et Praxis. Волгоград, 2014. № 1. С. 94–100.

⁶ Дзюбенко С.А. Особенности условий процесса социализации личности военнослужащего // Вестник магистратуры. Йошкар-Ола, 2016. № 4–3. С. 61–63.

⁷ Медведева К.С. О «непутевых черничках» и «птичках небесных»: парадокс монастырской тотальности // Журнал исследований социальной политики. Москва, 2019. Т. 17. № 3. С. 331–344.

⁸ Рязанова С.В. Закрытое религиозное сообщество: стратегия складывания и принципы функционирования // Социологическая наука и социальная практика. Москва, 2020. Т. 8. № 2. С. 86–100.

⁹ Мкртумова И.В. О социальной конструкции девиации в различных социальных институтах: поиск взаимосвязей и закономерностей // Вестник Казанского технологического университета. Казань, 2004. № 1. С. 431–435.

¹⁰ Mouzelis N.P. On total institutions // Sociology. 1971. Vol. 5. No. 1. P. 113–120.

самоидентификации тотальных институтов посвящены работы Б. Гудмана¹ и С. Серпа².

Вопросам квази-тотальных институтов посвящена работа К. Раковски³.

Концепции конструирования идентичности, вторичных корректировок и общих структурных особенностей институтов более подробно исследуются учеными, такими как Дж. Макоркел⁴. Э. Моррис⁵ также возвращается к работам Гофмана и Фуко в своем исследовании, касающемся на первый взгляд более «благожелательного» или «квази-тотального» института: городской школы. Этот институт пытается регулировать поведение и внешний вид с помощью дисциплинарных средств для решения проблем культурных недостатков среди определенной социальной группы студентов. Майкл Г. Флэрти⁶ также изучал влияние и различия между поведением взрослых и несовершеннолетних в тотальных институтах.

Целью исследования является анализ и описание феномена дихотомии «свой–чужой» в контексте формирования и трансформации самоидентификации человека в условиях тотальных институтов, таких как тюрьмы, психиатрические учреждения, армия и другие замкнутые и квази-замкнутые социальные структуры.

Задачи исследования:

- провести анализ основных теоретических подходов к пониманию терминов дихотомия «свой-чужой» и «тотальный институт»;
- выявить социальные и культурные факторы, влияющие на восприятие «своих» и «чужих»;

¹ Goodman B. Erving Goffman and the total institution // Nurse Education Today. 2012. Vol. 33.

² Serpa S. On the concept of total institution // International Journal of Social Science Studies. 2018. Vol. 6. No. 9. P. 31.

³ Rakowski K. Alienation and identity maintenance in quasi-total institutions // The Journal for Undergraduate Ethnography. 2016. Vol. 6. No. 1. P. 17–30.

⁴ McCorkel J. Going to the crackhouse: Critical space as a form of resistance in total institutions and everyday life // Symbolic Interaction. 1998. Vol. 21. P. 227–252.

⁵ Morris E. W. «Tuck in that shirt!» Race, class, gender, and discipline in an urban school // Sociological Perspectives. 2005. Vol. 48. P. 25–48.

⁶ Flaherty M.G. The national incidence of juvenile suicide in adult jails and juvenile detention centers // Suicide and Life-Threatening Behavior. 1983. Vol. 13. P. 85–94.

- исследовать влияние тотальных институтов на процесс самоидентификации личности;
- рассмотреть, как изменение социального контекста (например, цифровизация, глобализация) влияет на границы между «своими» и «чужими» в современных институтах;
- выявить насколько современные школы стремятся к критериям Э. Гоффмана и оценить ситуацию в России;
- произвести методологическую разработку воспитательного мероприятия (классного часа) для ознакомления школьников с данным феноменом.

Источниковая база. Теоретической и методологической основой будут выступать труды Э. Гоффмана¹ и П. Бурдьё², а также труды М. Фуко³

Также следует выделить следующую нормативно-правовую базу:

1. Указ Президента РФ «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации»)⁴ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 01.03.2024).
2. Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»⁵ от 02.07.1992 № 3185.

¹ Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. Москва, 2019. 464 с.

² Социология социального пространства. Москва, 2007. 432 с.

³ Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. Москва, 1999. 480 с.

⁴ Указ Президента РФ «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 01.03.2024). [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806 // (дата обращения: 22.04.2025).

⁵ Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 № 3185 (ред. от 22.07.2024). [Электронный ресурс] // СПС

3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации¹ от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024)

4. Устав Русской Православной Церкви²

Методы исследования. В рамках теоретического анализа будет проведен систематический обзор и исследование существующих теорий и концепций, касающихся идентичности, социальной принадлежности и тотальных институтов. Основное внимание будет уделено определению ключевых понятий и категорий, которые будут использоваться в данном исследовании, а также выявлению пробелов в текущих исследованиях. Концептуальный анализ сосредоточится на изучении таких ключевых понятий, как «свой», «чужой», «идентичность» и «тотальные и квази-тотальные институты», а также на их взаимосвязях. В этом контексте будет уточнено значение этих понятий и разработана концептуальная модель для дальнейшего исследования.

Исторический метод позволит проанализировать контекст формирования тотальных институтов и изменения восприятия идентичности на протяжении времени. Это поможет понять, как исторические события и социальные изменения влияли на дихотомию «свой–чужой» и процесс самоидентификации.

Социологический метод будет включать применение социологических теорий, таких как теория символического интеракционизма или теория социального конструктивизма, для анализа взаимодействий между людьми в тотальных институтах. В этом аспекте будет исследовано, как социальные взаимодействия формируют идентичность и восприятие принадлежности.

«КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205 (дата обращения: 22.04.2025).

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024). [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940 // (дата обращения: 22.04.2025).

² Устав Русской православной церкви. [Электронный ресурс] // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/ustav-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/> // (дата обращения: 22.04.2025).

Психологический метод предполагает использование психологических теорий. Так основной выступит теория социальной идентичности, для понимания механизмов формирования самоидентификации. В рамках этого подхода будет исследовано влияние внутренних процессов на восприятие себя как «своего» или «чужого».

Практическая значимость работы. Практическая значимость исследования дихотомии «свой–чужой» в контексте самоидентификации человека в тотальных институтах заключается в его способности внести вклад в понимание сложных социальных и психологических процессов, происходящих в этих специфических условиях.

Во-первых, результаты данного исследования могут быть полезны для специалистов, работающих в области психологии, социологии и социальной работы. Понимание того, как формируется идентичность у людей, находящихся в изоляции или под контролем тотальных институтов, может помочь профессионалам разрабатывать более эффективные методы поддержки и реабилитации таких людей.

Во-вторых, исследование может способствовать улучшению практик управления и организации работы в учреждениях, таких как психиатрические больницы или исправительные учреждения. Знание о том, как восприятие «своих» и «чужих» влияет на поведение и взаимодействие между людьми внутри этих институтов, может помочь в создании более гуманной и поддерживающей среды. Это может включать разработку программ по повышению уровня доверия и сотрудничества между сотрудниками и пациентами или заключенными.

В-третьих, результаты исследования могут быть использованы для формирования образовательных программ и тренингов для работников социальных служб, и учреждений. Осознание важности идентичности и принадлежности может помочь им лучше понимать потребности людей, с которыми они работают, а также разрабатывать стратегии для снижения стигматизации и улучшения социальной интеграции.

Наконец, исследование дихотомии «свой–чужой» может обогатить теоретическую базу по вопросам идентичности и социальной принадлежности. Оно может стать основой для дальнейших исследований в этой области, открывая новые направления для изучения влияния различных факторов на самоидентификацию людей в условиях тотальных институтов.

Апробация основных результатов бакалаврской работы была осуществлена на XXVI Всероссийской научно-практической конференции «Лебедевский чтения», посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне в форме доклада в секции «История государства и права». По итогам работы конференции автор работы была удостоена диплома II степени.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка используемых источников и литературы.

Глава 1. Теоретическая основа понятий дихотомия «свой–чужой» и «тотальный институт»

1.1. Социологические подходы к понятию «свой–чужой»

Дихотомия «свой–чужой» в социологии рассматривается через разные теоретические подходы, каждый из которых раскрывает специфику социального разделения и построения идентичности.

Традиционно первым выделяют символический интеракционизм (Джордж Герберт Мид, Герберт Блумер). Так Г. Блумер делал особую ставку на пропаганду, как одним из ярких иллюстративных источников формирования данной бинарной оппозиции. Так, она прежде всего нацелена развязать вражду между внутригрупповыми ценностями и внегрупповыми признаками¹. В целом «свой–чужой» – это результат социального взаимодействия и обмена символами. Люди формируют социальные границы через язык, ритуалы и символы, которые могут меняться в зависимости от контекста². Таким образом, «свой» и «чужой» – это не статичные категории, а динамические социальные конструкции.

Конфликтологический подход (Карл Маркс, Ральф Дарендорф, Льюис Козер) видит в противопоставлении «свой–чужой» инструмент поддержания социальной иерархии и власти. Категории «чужих» используются для оправдания исключения, дискриминации и угнетения, отражая более глубокие социальные противоречия и борьбу за ресурсы.

Функционализм (Эмиль Дюркгейм, Талкотт Парсонс) рассматривает разделение «свой–чужой» как механизм поддержания социальной стабильности и порядка. Социальные нормы и институты помогают формировать коллективную идентичность и интегрировать общество,

¹ Добренёва В.И. Американская социологическая мысль: тексты. Москва, 1994. С. 14–15.

² Горбунова М.Ю. Символический интеракционизм как методологическое основание исследования эмоций в социологии // Известия Саратовского университета. Саратов, 2011. Т. 11. № 2. С. 11–12.

выделяя «своих» для укрепления солидарности, при этом «чужие» служат для обозначения границ социальной группы.

В рамках представлений об эволюции социальной идентичности впервые наиболее полно о проблеме так называемой «сопричастности к той или иной социальной группе» как проблеме именно индивидуальной, а не классовой, высказывался Ж.–П. Сартр. Философ отмечал, что при отсутствии «Другого» всё пространство начинает организовываться вокруг фигуры «Я». Вещи оказываются в нейтральных, неиерархических отношениях, пока «Я» не наделяет их смыслом, упорядочивая и объединяя в функциональные системы. Таким образом, «Я» становится центральной точкой отсчёта – абсолютной мерой, относительно которой формируется структура окружающего мира.¹

С 1970-х годов Дж. Тёрнер и Анри Тешфел² придают концепции законченный вид и формируют важнейшую психосоциальную проблему определения в группе «своего–чужого» и механизмы формирования данной дихотомии. Они утверждали, что люди классифицируют себя и других на основе принадлежности к той или иной группе, а это в свою очередь приводит к «внутригрупповому фаворитизму» и «аутгрупповой дискриминации». Эта тенденция – делить мир на «нас» и «их» также имеет адаптивные функции, согласно эволюционной психологии – она служит механизмом распознавания потенциальных угроз или незнакомых людей. Э. Гоффман в своей работе о стигме исследует, как люди становятся «другими» в силу физических, социальных или моральных черт, которые социально дискредитированы. «Свой» – это тот, кто может контролировать впечатление, которое он производит, приспособливаясь к общественным

¹ Ватолина Ю.В. Чужой в философии Жана Поля Сартра // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Москва, 2009. Т. 1. № 3. С. 26–27.

² Morley I. E. Henri Tajfel's Human Groups and Social Categories // British Journal of Social Psychology. 1982. Vol. 21. P. 189–201.

ожиданиям¹. «Другой», напротив, часто не может или не имеет права управлять такими впечатлениями. Наконец, в контексте социальной психологии значительное влияние оказывает сам факт принадлежности к определённой группе на процесс социального влияния и принятия решений. Люди склонны больше доверять мнению членов своей группы и чаще следуют их суждениям, особенно если групповая принадлежность становится психологически значимой. Это может вести к эффекту групповой поляризации, при котором решения, принимаемые в группе, становятся более крайними по сравнению с индивидуальными предпочтениями её членов. Кроме того, точки зрения эволюционной психологии, предпочтение «своих» рассматривается как адаптационный механизм, способствующий выживанию в условиях конкуренции между группами. При этом подчёркивается, что, несмотря на наличие фиксированных характеристик, таких как пол или этническая принадлежность, границы групповой идентификации могут быть изменены за счёт переклассификации (recategorization) – процесса, при котором иные параметры становятся определяющими для групповой принадлежности. Это указывает на гибкость системы межгруппового восприятия, в которой биологически обусловленные и социально сконструированные механизмы сосуществуют и могут меняться в зависимости от контекста.

Таким образом, в зарубежной литературе проблема начнёт называться «in-groups and out-groups» (внутригрупповые и внегрупповые).

Антропологи рассматривают дихотомию «свой–чужой» как продукт культурных различий и ритуальных структур. Взгляды Франца Боаса и Клиффорда Гирца на культурный релятивизм подчеркивают, что восприятие «я» и «другого» формируется определенными культурными системами, в которых центральную роль играют язык, повседневные практики и ритуалы². Ритуалы, особенно обряды перехода, часто служат символическими

¹ Ватолина Ю. В. Чужой в философии Жана Поля Сартра // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Москва, 2009. Т. 1. № 3. С. 10–11.

² Гирц К. Интерпретация культур. Москва, 2004. С. 50–51.

процессами, которые отмечают включение в социальную группу или исключение из нее.

Кроме того, важнейшими замечаниями будут исследования Мэри Дуглас. В её понимании у каждого племени было или есть представление о том, насколько оно ассоциируется с окружающим миром. Так, есть племена универсальные, то есть эгалитарные (параметр «группоцентризма»), а есть «общества-решетки», то есть иерархические племена. В первом же случае, гомогенность приводит к тому, что чужакам тяжело адаптироваться и в основном их изгоняют. Во втором случае чужаков принято ассимилировать, так как группа гетерогенна и имеет механизмы включения новых элементов¹. В дальнейшем её труды будут развиты эдинбургской социологической школы и распространены на город, где также будут успешно доказаны подобные практики (Дэвид Блур, Барри Барнс, Стивен Шейпин и др.)².

Среди ключевых культурных теоретиков, исследовавших эту дихотомию, Эдвард Саид выделяется своей основополагающей работой «Ориентализм». Саид демонстрирует, как Запад исторически конструировал Восток как экзотического, иррационального и пассивного «Другого», что, в свою очередь, легитимировало западное господство³. В этой структуре «Другой» – это не реальный субъект, а дискурсивная конструкция, сформированная властью.

Помимо вышесказанного стоит определить такое понятие как «не-членство». В социологическом анализе Роберта К. Мертон концепция «не-членства» представляет собой многогранный инструмент для понимания динамики социальной идентичности, межгрупповых отношений и процессов социальной мобильности⁴. Это понятие выходит за рамки бинарного противопоставления «свой–чужой», предлагая более детализированную типологию отношений индивида к социальной группе.

¹ Дуглас М. Чистота и опасность. Москва, 2000. С. 15–16.

² Жэнгра И. Социология науки. Москва, 2017. 112 с.

³ Саид Э. Ориентализм. Москва, 2006. С. 111–112.

⁴ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Москва, 2006. С. 437–438.

Мертон такие отношения по двум осям: степень стремления индивида к членству и степень принятия группой его возможного включения. Это позволяет выделить несколько типов не-членов:

1. Кандидат на членство – индивид стремится стать частью группы и активно готовится к этому.
2. Потенциальный член – индивид заинтересован в группе, но не предпринимает активных шагов для вступления.
3. Автономный не-член – индивид не заинтересован в членстве и сохраняет дистанцию.
4. Маргинальный человек – индивид, находящийся на границе двух групп и не полностью принимаемый ни одной из них.

Традиционно в социологии используется дихотомия «свой–чужой» для обозначения границ социальной принадлежности. Однако Мертон утверждает, что эта бинарная оппозиция не отражает всей сложности социальных отношений. Он подчёркивает, что не-членство является не просто отсутствием принадлежности, но активной позицией, которая может включать стремление к включению, десантирование или даже активное неприятие группы.

С точки зрения социологии данная концепция получила развитие в трудах П. Бурдьё и Э. Гидденса. В свою очередь наиболее важный механизм возникновения данной ситуации является момент социального отчуждения, т.е. момент когда человек перестает быть способен активно поддерживать социальные связи¹. Кроме того, Гидденс также указывает тот факт, что наиболее благоприятной почвой для возникновения «чужих» является этноцентризм². Природа отчуждения может проявляться в разных сферах жизнедеятельности человека и проявляться комплексно. Так, к примеру, в сфере политике «чужой» может проявляться как в тот момент, когда социальная группа теряет свои символы как отдельная конституирующая

¹ Гидденс Э. Социология. Москва, 2005. С. 287–288.

² Бурдьё П. Социология социального пространства. Москва, 2007. С. 36–37.

социальная группа и таким образом становится маргинальной, так и наоборот когда её символы начинают контрастировать с общей массой¹

В свою очередь возникают следующие важнейшие переменные:

1. Социальный компонент: «мы—они», «свой—чужие»
2. Территориальный компонент: «здесь» (пространство совместного проживания), «там» (территория неподконтрольная социальной группе). Отсюда возникает специфическая ось координат, которая позволяет придавать человеку ту или иную базовую социальную принадлежность. (рис. 1.1.)

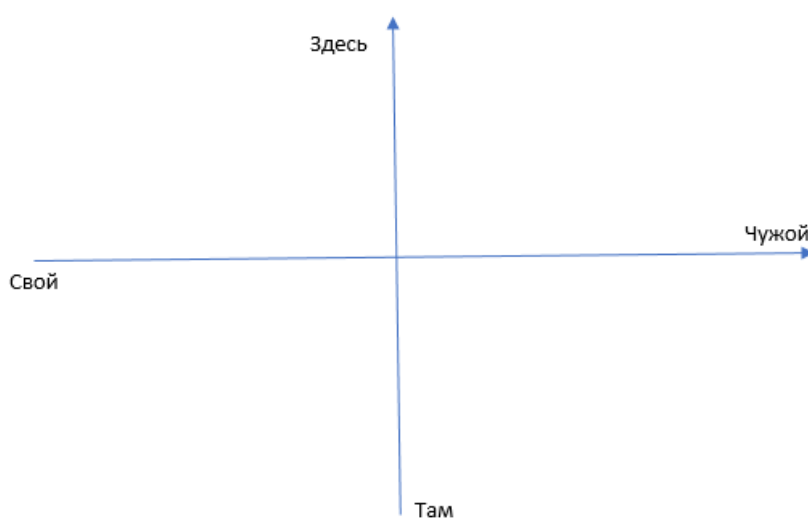

Рисунок 1.1. Координаты базовой социальной дифференциации.

К примеру, «мы здесь» – народ, «мы там» – диаспора, «они здесь» – люди которые не разделяют общие ценности, но разделяют общее пространство («Чужак – это не тот, кто приходит сегодня, чтобы уйти завтра. Он приходит сегодня, чтобы остаться назавтра. Но, оставаясь, он продолжает быть чужаком»)², «они там» – классический образ врага, объекта противостояния. Данная классификация является универсальной и может проявляться в любых формах объединения людей.

Еще более примечательным является тот факт, что данное деление может возникать и внутри отдельных категорий. Например, внутри

¹ Бурдьё П. Социология социального пространства. Москва, 2007. С. 42.

² Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. Москва, 1996. С. 595.

«чужаков» могут возникнуть свои собственные «чужаки». Это, в свою очередь, является одним из важнейших пунктов формирования особой солидарности, которая фильтрует те или иные девиации внутри группы.

Одним из примечательных воплощений данных проблем являются так называемые «эффект клубов» и «эффекты гетто». Первые, в свою очередь направлены на то, что «чужак обречен на некоторое внутреннее исключение, способное лишить его определенных прибылей от принадлежности»¹. Второй же «символически разлагает своих обитателей, объединяя в некоторой резервации совокупность агентов, которые, будучи лишены всех козырей, необходимых для участия в различных социальных играх, могут делиться только своим отлучением»².

Это всё подводит к понятию «социального капитала» в понимании П. Бурдьё. Именно его реализация позволяет эффективно занимать то или иное положение в концепции «своих и чужих» и именно потеря его ведет к тому или иному отчуждению. Помимо этого, важнейшим является и символический капитал, который может активно заменять остальные. Данные явления становятся определяющими для формирования «тотальных институтов», где подобные системы координат наиболее остро и интенсивно могут менять и категорично определять социальное место человека.

Отдельного внимания заслуживает феномен дегуманизации, при котором члены внешней группы воспринимаются как менее «человечные» или лишённые индивидуальности. Такая редукция воспринимаемой сложности чужого приводит не только к усилению социальной дистанции, но и к снижению эмпатии, что в условиях конфликта может обострять напряжение между группами. Подобная тенденция часто сопровождает проявления так называемой дерогации внешней группы – восприятия представителей чужой группы как угрожающих интересам или целям собственной группы. Эта форма группового противопоставления может быть

¹ Бурдьё П. Социология социального пространства. Москва, 2007. С. 61.

² Там же. С. 62.

реакцией на реальные или воображаемые конкурирующие отношения, а также следствием самой процедуры категоризации.

1.2. Понятие «тотальный институт»

Термин «тотального институт» впервые появляется в трудах Э. Гоффмана. Проблемой является то, что четкого определения в академической среде не сложилось, поэтому приходится говорить о совокупности основных факторов. Изначально ученый подразумевает, что человек выполняет большинство базовых социальных действий в разных местах, с разными людьми и без четкого рационального плана. Однако слом подобных механических связей приводит к формированию совершенно уникального объединения. Стоит прежде всего выделить его ключевые черты. Так, Э. Гоффман выделяет следующие черты:

- постоянство места и постоянство руководства;
- ежедневная совместная рутина большой группы людей, выполняющих схожие действия для достижения определенной цели и обособленность обеспечения;
- удовлетворение многочисленных человеческих нужд посредством бюрократической организации групп людей;
- контроль деятельности посредством эксплицитных формальных правил и корпусом официальных лиц;
- наличие определённого рационального плана действий, позволяющий достигнуть официальных целей; обретение людьми новой системной идентичности.
- преднамеренно согласованные действия, направленные на определённый результат¹

¹ Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. Москва, 2019. С. 34–35.

Кроме того, существует ряд важнейших ограничений: на информацию, передвижение, коммуникацию, а также существенно ограничивается социальная мобильность. Также Гоффман отмечает, что подобная социальная организуется противопоставляется понятию «семьи»¹. Особенно это оказалось видно при проведении опроса в женской колонии².

Касательно материального обеспечения жизни стоит выделить следующую модель. Как отмечает Гоффман, в обществе обычно принято, что «власть» работодателя заканчивается с выплатой заработной платы – распоряжаться полученными деньгами работник вправе далее самостоятельно. Однако в тотальных институтах расписание дня постояльцев формируется без их участия, и все их основные потребности удовлетворяются по плану, а не по их желанию³. Независимо от того, какой стимул побуждает их к работе, он не имеет такого же структурного значения, как вне института. Там формируются иные мотивы и иное отношение к труду. Чаще всего главным мотивационным средством становится физическое и психологическое принуждение. Дополнительные усилия редко вознаграждаются или поощряются. Это фундаментальное условие, к которому должны адаптироваться как постояльцы, так и те, кто контролирует их деятельность. Независимо от того, приходится ли работать слишком много или слишком мало, индивид, чье отношение к работе сформировалось во внешнем мире, скорее всего, будет деморализован трудовой системой тотального института⁴. Таким образом, подрываются базовые экономические взаимодействия, что становится основой для формирования своеобразной «теневой экономики».

¹ Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. Москва, 2019. С. 40.

² Мацкевич А.Ю. Жизненный мир в условиях тотального института // Власть. Москва, 2021. № 1. С. 134.

³ Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. Москва, 2019. С. 38.

⁴ Там же. С. 39–40.

Разнообразие тотальных институтов можно классифицировать на основе двух ключевых параметров: уровня принудительности участия и степени социальной угрозы, исходящей от включённых в них индивидов. По критерию добровольности на одном конце спектра располагаются учреждения, предполагающие осознанный и свободный выбор человека (например, религиозные общины или монастыри), тогда как на противоположном — структуры с полной утратой свободы выбора, такие как тюрьмы. Между этими крайними точками находится широкий круг организаций, в которых степень принудительности может варьироваться. Второй параметр — это потенциальная угроза обществу со стороны участников этих институтов. Здесь можно выделить три условные группы: люди, не представляющие угрозы (например, пожилые или лица с ограниченными возможностями); лица, чьё поведение может быть непредсказуемым или опасным неосознанно (в частности, пациенты психоневрологических учреждений); и, наконец, индивиды, осознанно совершающие опасные действия, чаще всего — правонарушители¹.

Кроме того, тотальный институт обладает специфическими условиями адаптации. Тотальные институты не способны формировать у «постояльцев» полноценную новую культуру, способную заменить уже сложившуюся, однако они способны создать условия для функционирования специфических контркультур или субкультур. Происходит нечто иное, чем аккультурация или ассимиляция. Это культурное преобразование выражается в утрате ряда поведенческих возможностей и в нарастающем отрыве от социокультурных изменений, происходящих во внешнем обществе².

В случаях длительного пребывания в институте у постояльца может начаться процесс, известный как «дискультурация» — форма «разучивания», которая временно лишает его способности эффективно управлять

¹ Мацкевич А. Ю. Жизненный мир в условиях тотального института // Власть. Москва, 2021. № 1. С. 133.

² Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. Москва, 2019. С. 42.

определёнными аспектами повседневной жизни за пределами института, если и когда он возвращается в общество. Таким образом, происходит символическое и культурное разъединение внутри подобных организаций и нарушаются базовые социальные взаимодействия.

В тотальных институтах наблюдается фундаментальное разделение между крупной контролируемой группой, которую обычно называют постояльцами, и небольшой группой надзирателей. Постояльцы, как правило, постоянно проживают внутри института и имеют ограниченные связи с внешним миром, тогда как персонал обычно работает по восьмичасовому графику и сохраняет социальные связи за пределами института. Таким образом, складывается тотальный институт, представляющий собой объединение двух возможных миров, своеобразный социальный гибрид, используя методологию М. Дуглас. С одной стороны, тотальный институт иерархичен, так как существует четкая граница между начальством (персоналом) и подчинёнными. С другой стороны, формально большинство агентов данного института являются равными и «своими», что отражается в нормативных актах, поведенческих привычках и своеобразной культурной. Однако это в свою очередь приводит наоборот к социальному антагонизму. Так как существуют два лагеря исходящих из разных потребностей и разных статусных факторов, происходит складывание специфического взаимодействия, которое выражается либо в принятии правил игры, либо к перманентному сопротивлению.

Попадая в рамки тотального института, новый постоялец постепенно теряет своё «Я». Изначально он приносит с собой представления сформированные в «домашних условиях», которые формируются в рамках естественного социального функционирования¹. Однако, оказавшись внутри института, он немедленно утрачивает ту поддерживающую среду, на которой зиждется его представление о себе. В терминологии, характерной для одних

¹ Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. Москва, 2019. С. 42–43.

из самых ранних тотальных институтов, этот переход знаменует собой начало процесса систематического унижения, девальвации, оскорбления и символического уничтожения его «Я». Личностная идентичность индивида подвергается последовательной – хотя порой и ненамеренной – эрозии. Этот процесс запускает так называемую моральную карьеру постояльца, в рамках которой происходят глубокие трансформации в его восприятии самого себя.

Механизмы разрушения «Я» в тотальных институтах имеют во многом стандартизированный характер, что позволяет на основе их анализа определить, какие институциональные условия необходимы для сохранения гражданской идентичности в обычных социальных организациях.

Первым и наиболее фундаментальным инструментом подавления «Я» выступает барьер, который тотальный институт воздвигает между постояльцем и внешним социумом¹. В обычной, гражданской жизни последовательная смена социальных ролей, как в течение жизненного цикла, так и в рамках повседневной деятельности, обеспечивает функциональное разграничение между ролями и предотвращает их конфликт. Тотальный институт, напротив, уничтожает эту сменяемость и разграниченность ролей, поскольку постоялец оказывается изолированным от внешнего мира на постоянной, круглосуточной основе – зачастую на длительное время. На начальном этапе пребывания в учреждении постояльца, как правило, полностью лишены возможности общения с внешним окружением, включая запрет на приём посетителей и выход за пределы учреждения. Это способствует резкому разрыву с предыдущими социальными ролями и формирует готовность отказаться от прав на их дальнейшее исполнение.

Таким образом, постоялец сталкивается с тем, что определённые социальные роли становятся для него недоступными вследствие установленного барьера, изолирующего его от внешнего мира. Наряду с этим, поступление в тотальный институт сопровождается целым рядом

¹ Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. Москва, 2019. С. 43.

дополнительных утрат и ограничений¹. Как правило, персонал проводит стандартизированные приёмные процедуры, включающие сбор личных данных, фотографирование, взвешивание, снятие отпечатков пальцев, присвоение порядкового номера, обыск, изъятие и инвентаризацию личных вещей, санитарную обработку, стрижку, выдачу унифицированной одежды, инструктаж и распределение по жилым помещениям.

Эти процедуры уместнее всего охарактеризовать как формы «обтесывания» или «программирования», поскольку в их результате новоприбывший преобразуется в стандартизированный объект, адаптированный к функционированию административного механизма учреждения и пригодный для обработки через регламентированные и повторяющиеся действия. Значительная часть этих практик основывается на физических и биологических характеристиках, таких как масса тела или отпечатки пальцев – признаках, присущих человеку как представителю абстрактной и обобщённой социальной категории. Тем самым человек сводится к набору обезличенных атрибутов, что ведёт к маргинализации или полному нивелированию его прежних оснований для самоидентификации.

В тотальных институтах власть распространяется на множество внешне наблюдаемых аспектов поведения – таких как одежда, осанка, манеры – которые находятся под постоянным контролем и оценкой. Постоялец не имеет возможности уклониться от наблюдения со стороны персонала или выйти за рамки навязанных регламентов.

Одной из ключевых особенностей является наличие множества строго формализованных правил. Во-первых, многие из них предписывают выполнять действия синхронно с другими постояльцами, что можно охарактеризовать как форму коллективной дисциплинарной практики, аналогичную муштре. Во-вторых, эти правила функционируют в условиях эшелонной иерархии власти: каждый представитель персонала обладает

¹ Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. Москва, 2019. С. 44.

правом дисциплинарного воздействия на любого постояльца, независимо от занимаемой должности¹. Это значительно увеличивает вероятность получения наказания и делает контроль повсеместным.

В обычной социальной среде человек, как правило, подчиняется ограниченному числу авторитетов – например, начальнику на работе или партнёру дома. В тотальном институте, напротив, индивиду приходится существовать в условиях постоянного надзора и множественных источников власти. В результате постояльцы, особенно новоприбывшие, часто живут в состоянии хронического напряжения и страха перед возможным нарушением правил и суровыми последствиями – будь то физическое наказание, статусная деградация или исключение из института. Таким образом, тотальный институт стремится подчинить своим правилам нового агента, навлекая как внешнее, так и внутреннее давление.

В целом, делая промежуточный вывод, на современном этапе науке концепции «свой–чужой» и «тотальный институт» исследованы обширно, однако требуют более точно теоретического подхода с закреплением практическими доказательствами.

¹ Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. Москва, 2019. С. 69–70.

Глава 2. Проявление «свой–чужой» в тотальном институте

2.1. Основная социологическая характеристика

Исходя из причисленных в предыдущей главе социологических компонентов можно составить следующую характеристику тотального института, и того, как в нём проявляется дихотомия «свой–чужой».

Во-первых, изначально все агенты подпадают под общую характеристику «мы–здесь», то есть таким образом формируется единое специфическое внешне гомогенное общество, которое проявляет гетерогенность изнутри. Отсюда есть четкие критерии выделения чужого из эгалитарной общей массы, но при этом сложности выявления такого внутри. В самом ядре подобных институций заложен социальный антагонизм между постояльцами и руководителями, который подкрепляется теми или иными практиками, в частности, физическим или психологическим насилием. Следовательно, проявляется специфическая основа – разделение на «своих и чужих» среди общих «своих», так как все участники тотального института так или иначе разделяют общее пространство и обладают общей культурой. В свою очередь, как и среди «постояльцев» есть определенные практики выявления своих и чужих, так и среди прочих участников. Неизбежно даже в такой закрытой и регламентированной среде возникают свои лагеря и свои символические ценности.

Во-вторых, стоит отметить, что, обращаясь к методологии П. Бурдьё, следует отметить, что основной «капитал» взаимодействия становится символический, то есть совокупностью верований в репутацию и даже магию¹. Иные «капиталы» или «поля» невозможны и начинают подстраиваться под символический, так как экономическая активность подавлена или невозможна, социальная жизнь изменена, а политическая исключена. Помимо этого, так как вся жизнь пропитана формализованными

¹ Бурдьё П. Социология социального пространства. Москва, 2007. С. 234–235.

правилами, символический капитал начинает проявляться в специфических формах, либо копирующих их, либо противоречащих им: татуировки, смена имени (придумывание прозвища), магические представления о свойствах того или иного предмета, который был тронут «чужим». Также следует отметить и специфическое противостояние капиталов юридических и символических, которые же по Бурдьё являются взаимосвязанными ¹. Отсюда и пестрота наименований и специфических характеристик присущих обычному праву о том, что дозволено и не дозволено тому или иному агенту. Учитывая тот факт, что с точки зрения юридического капитала все равны, внутри же также происходит разделение, которое обычно противоречит таковому.

В-третьих, исключение социального капитала «прошлой жизни» приводит к ситуации формирования контрсистемы или контркультуры. Так как подавляется «я» из обыденной жизни, начинает встраиваться «я» новое, которое обретает символические черты новой социальной структуры. Отсюда возникают следующие пути: либо подчиниться правилам игры и дойти до более высокой структурной позиции, либо поддерживать антагонизм. Контркультура, как форма социального протеста, возникает в ответ на доминирующую культуру, когда индивиды или группы чувствуют, что существующие социальные структуры не обеспечивают им удовлетворения или признания. Она выражает несогласие с господствующими ценностями и нормами, предлагая альтернативные способы жизни и восприятия мира

В-четвертых, социальная мобильность также всецело зависит от символического капитала. Кроме того, занятие позиции «своего-чужого» всецело определяет положение агента, которое как может резко возрасти, так и резко упасть, при этом, учитывая к какому лагерю принадлежит та или иная социальная практика.

В-пятых, такие условия могут привести к тому, что эта деятельность становится конституирующей для самой личности человека и он начинает

¹ Бурдьё П. Социология социального пространства. Москва, 2007. С. 238–239.

ассоциировать себя только с ней, превращаясь в своеобразный аппарат, способный выполнять лишь функции, не требуя ничего взамен. Это же в свою очередь становится символической опорой для человека. Обратной стороной данной проблемы становится падение ценности жизни, люди превращаются в ресурсы. Отчего институция может идти на любые жертвы ради оптимизации собственной деятельности или выполнению поставленных рациональных задач.

Таким образом, мы имеем сложную внутренне иерархичную систему, которая исходит из изначально заданных параметров внутренней кооперации, охватывающей проблемы исключения остальных капиталов из обычной жизни человека и обретения им новых.

2.2. Особенности проявления дихотомии в институтах различного типа

В целом, понятие тотальный институт может трактоваться довольно широко. Классическими проявлениями являются: армия, монастырь, тюрьма, психиатрическая больница, школа-интернат. Однако последнее время также рассматривается и обычная городская школа¹. Но более справедливой характеристикой является для такого учреждения является понятие «квази-тотальный», так как отсутствует ключевой признак – изоляция от внешнего мира, но в то же время проявляются некоторые черты.

Касательно обычных тотальных институтов стоит обратиться сначала к армии. Армия является типичным примером данного феномена. В целом нормативной основой с XIX века выступают воинские уставы. Тогда окончательно формируется разделение на гражданский мир и военный. В XX веке начинается активная политизация армии, особенно в тоталитарных режимах. Под этим давлением, в них начинают формироваться

¹ Rakowski K. Alienation and identity maintenance in quasi-total institutions // The Journal for Undergraduate Ethnography. 2021. Vol. 6. No. 1. P. 17–18.

специфические «ответы». В целом, систему «свой–чужой» строго регулирует воинский устав. Можно выделить четкие критерии военнослужащего и то, чем он отличается от обычного гражданина. Так, ключевым фактором является «дедовщина» или («годковщина» в ВМФ). Одним из распространённых подходов к определению феномена дедовщины является его трактовка через оппозицию к воинским уставам. Подобная интерпретация находит отражение и в уголовном праве, где соответствующие действия квалифицируются как нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими. Однако на практике граница между уставным порядком и проявлениями дедовщины оказывается размытой: зачастую они представляют собой разные аспекты одной и той же институциональной реальности. Это особенно наглядно проявляется в ситуациях, когда строгое соблюдение новобранцами уставных требований – например, в части ношения формы – становится элементом ритуалов и санкций, характерных для дедовщины. К.Л. Банниковым «дедовщина» определяется как «неограниченная в средствах воздействия на личность неуставная система доминантных отношений» и подчёркивается её тесная связь с «уставщиной»¹. Дедовщина выступает как дополнительный внутренний фильтр своих и чужих. Те, кто не способны выполнять негласные символические правила, автоматически опускают до социального дна и подвергаются унижению. «Нормы» дедовщины не столько предписаны заранее, сколько порождаются в ходе повседневной коммуникации и действия. Примеры распределения обязанностей, взаимодействий в столовой, манипуляций с формой или подсчета дней до демобилизации иллюстрируют, как солдаты формируют и легитимируют поведенческие паттерны на

¹ Банников К.Л. Принципы культурогенеза в режимных сообществах: социально-антропологический анализ российской армии второй половины XX века. Москва, 2009. С. 23–24.

местах¹. В этом смысле дедовщина выступает не как фиксированный набор правил, а как живая, адаптивная система, воспринимаемая через языковую категорию «положено».

Особое внимание внутри уделяется временным структурам, порождаемым самими военнослужащими. Социальное время, материализуемое в статусных переходах (от «духа» к «деду») и идеализированных действиях (например, «счет сотки»), становится важным ресурсом власти и стратификации внутри казармы². Отсюда же возникают дополнительные уровни антагонизма внутри армии.

Помимо этого, ранее в армии существовала активная форма символических наименований. Значение терминов, используемых в неформальной армейской среде, может варьироваться в зависимости от рода войск, конкретной воинской части, а также от периода прохождения службы.

«Армейский сленг» включал разнообразные термины для обозначения военнослужащих на разных этапах службы. Примеры таких наименований включают:

- до принятия присяги (период карантина): «запахи», «индейцы» (МЧПВ КГБ СССР), «дрищи», «духи бесплотные», «быки» и др.;
- до полугода службы: «духи», «салаги», «щеглы», «васьки» (стройбат), «гуся» (ЖДВ), «воробьи», «чекисты» и пр.;
- полгода службы: «слоны», «караси» (ВМФ), «молодые», «моржи», «мамонты», «половники» и др.;
- один год: «черпаки», «годки» (ВМФ), «фазаны» (ЖДВ), «помазки» и др.;
- полтора года: «деды», «дедушки», «старики» – именно от термина «дед» произошло общеизвестное название феномена неуставных отношений – дедовщина;

¹ Бочаров Т. Ю. Правила, время и насилие в казарме: логика тотального института в переходный период // Журнал исследований социальной политики. Москва, 2019. Т. 17. № 3. С. 362–363.

² Там же. С. 366

- после выхода приказа об увольнении: «дембеля»;
- более двух лет службы: «квартиранты», «граждане»;
- военнослужащие сверхсрочной службы: «шкуры»;

На флоте (по состоянию до 1990 года) существовала чётко фиксированная семиступенчатая иерархия:

- до полугода – «дух» (бесправный, беспомощный, подверженный грубому обращению);
- полгода – «карась» (привыкший к службе, но всё ещё исполняющий черновую работу);
- один год – «борзый карась» (ответственный за младших);
- полтора года – «полторашник» (обладает авторитетом, но подвергается моральному давлению);
- два года – «подгодок» (умеренный стиль поведения, близкий к демобилизации);
- два с половиной года – «годок», или на ТОФе – «саракот» (неформальный лидер, носитель традиций);
- три года – «профсоюз» или «гражданский» (фактически признанный уволенным, хотя формально находится в части).

Переход с одной ступени на другую сопровождался ритуалом, называемым «перевод» или «перебивание». Он предусматривал физическое воздействие в форме символических ударов по телу с помощью ремней, табуретов или металлических черпаков. Количество ударов соответствовало числу месяцев службы. В случае отказа новобранца от участия в неформальной иерархии он мог быть признан «неперебитым» – таким военнослужащим отказывали в привилегиях, присущих их сроку службы.

Особые ритуалы существовали и на флоте.

«Смывание чешуи» – обряд перевода из «карася» в «полторашники», связанный с неожиданным физическим воздействием: окунание в воду, обливание, выбрасывание за борт и др.

«Разрыв годка» – символический обряд перевода в «профсоюз» после публикации приказа об увольнении. Военная форма «годка» ритуально разрывалась до нитки всеми желающими, включая младших по званию и сроку службы.

В современной России ситуация стала менее острой, однако все равно сохраняются подобные черты. Даже переход на службу на один год вместо двух не сильно изменил ситуацию¹.

В местах заключения ситуация обстоит следующим образом. Дихотомия «свой–чужой» выступает ядром российской тюремной субкультуры, формируя жёсткое деление на группы с разным статусом, ресурсами и правами. Это разделение, основанное на соблюдении «понятий», не просто идеологическая конструкция, а основа реальных отношений, влияющих на повседневную жизнь заключённых.

Во-первых, в тюрьмах эффективно функционирует неформальная иерархия, делящая заключённых на касты. К высшей относятся «блатные» – «воры в законе», «паханы», ниже них – «мужики» и «просоциальные» («трудяги»), и, на самом дне, «дезадаптированные» – «петухи», «козлы» и им подобные

При этом статус «чужого» – «петуха» – навсегда закрепляется ритуалами, ярлыками и практическими запретами, включая запрет на совместное питание, изоляцию в «петушиных углах», особую посуду и умывальники. Здесь же начинают проявляться магические представления человека.

В основе такого разделения – не только морально-нормативные предписания, но и реальное неравенство: те, кто признан «своим», получают доступ к общему фонду, защиту и льготы, их статус определяется знанием субкультурных норм, умением сохранять «понятие», обдуманном

¹ Бочаров Т. Ю. Правила, время и насилие в казарме: логика тотального института в переходный период // Журнал исследований социальной политики. Москва, 2019. Т. 17. № 3. С. 362.

поведением¹. «Чужие», напротив, испытывают дискриминацию, унижения и насилие, часто становятся жертвами. В группе «петухов» существует собственная иерархия с «главпетухом», взаимодействующим с «вояками» других групп, но даже он остаётся внизу структуры.

Структуры «свой–чужой» поддерживаются и укрепляются вербальными и визуальными маркерами. Татуировки – важный элемент самоидентификации – выполняют функции клейма, обозначая статус и принадлежность. Язык общения насыщен жаргоном и табу, где слова вроде «фраер», «крыса», «опущенный» служат сигналами для социальной изоляции. «Свой» не должен помогать «чужому», а нарушение этого табу ставит под сомнение статус.

Социальная стратификация также определяется доступом к ценностям: еде, сигаретам, свободе перемещения, уважению и информации. Именно контроль над этими ресурсами формирует статус – если ты «свой», ты можешь распределять пищу, получать передачи, пользоваться тюремными благами. «Чужие», напротив, вынуждены выживать «на подачках» и работать на тяжёлых и грязных работах.

Наконец, дихотомия «свой–чужой» – эффективный инструмент социальной иерархии и дисциплины. Она обеспечивает механизм внутреннего контроля: «свои» наблюдают за «чужими», исключают «непослушных» и поддерживают нормы, необходимые для внутренней устойчивости субкультуры.

Контраст между «чёрными» зонами (где доминируют «свои») и «красными» (сильный административный контроль) показывает, что в условиях свободы неформальных правил, дихотомия проявляется наиболее ярко, тогда как в строгих режимах её влияние ослаблено формальными ограничениями.

¹ Мацкевич А. Ю. Жизненный мир в условиях тотального института // Власть. Москва, 2021. № 1. С. 134.

Таким образом, дихотомия «свой–чужой» – это не просто «зэк–сленг», но жизненно важная социальная структура, обеспечивающая выживание, взаимопомощь, контроль и внутреннюю устойчивость тюремной общины. Она проявляется в ритуалах, маркерах, коммуникативных и пространственных границах – и остаётся устойчивым феноменом, отражающим динамику власти и идентичности внутри пенитенциарной среды.

В монастырях, особенно в раннее Новое время, эта дихотомия проявлялась в строгом разделении между «монахами» – носителями монашеского звания, родными по вере и обету – и «чужими» – мирянами, сбежавшими или сосланными внутрь монастырских стен за нарушения светских или церковных правил. Последние подвергались суровому контролю и изоляции: их размещали в специальных кельях, нормировали доступ к общим молебнам и трапезам, а также использовали монастырь как дисциплинарную площадку, соединяющую телесное наказание с духовной «исправой». Эта двойственная структура обеспечивала иерархию, в которой «свои» называли обетованных братьев по вере, а «чужие» – внутренне и внешне чуждые, но подчинялись церковно-государственному контролю.

В психиатрических больницах дихотомия «свой–чужой» принимается через призму подозрительности и стигмы. С одной стороны – «свои», те, кто действительно нуждается в помощи, находится под опекой персонала в отделениях с поддерживающим пространством и минимальной изоляцией. Такие пациенты обычно проживают в относительно «гражданских» условиях: одно–четырёхместные палаты, социальная адаптация, наличие развлечений и прогулок.

С другой стороны – «чужие» («психушка», «опущенные», «психованные враги государства» – мыслители, критики, несогласные), которых принудительно госпитализируют без достаточного диагноза, зачастую в условиях заниженного санитарного уровня, полного контроля, изоляции и даже применения пыток под медицинским прикрытием.

Ритуалы и маркеры этой дихотомии очевидны: у монахов это – обет, молитва, участие, духовные практики и права голоса; для психических «своих» – палаты, свобода передвижения, медицинская документация. «Чужих» отличает изоляция, стигма, принудительное лечение, отсутствие социальных прав, проживание в коммунальных или сверхштрафных условиях, символически подчёркивающее их чуждость и угрозу.

Итак, в обеих институциях – монастырской и психиатрической – дихотомия «свой–чужой» представляет собой мощный механизм идентичности, контроля и самоощущения: в монастыре – между обетованными и временно допущенными, в психиатрии – между реальными пациентами и политически/социально отвергнутыми. В обоих случаях это – мощный индикатор границ, ритуалов и контроля, отражающий серьёзные социально-политические и культурно-медицинские феномены.

2.3. Тотальные институции в контексте современного мира

Изменение социального контекста, обусловленное такими процессами, как цифровизация и глобализация, оказывает значительное влияние на границы между «своими» и «чужими» в современных институтах в целом. Цифровизация способствует формированию новых форм социальной идентичности и взаимодействия, где границы между группами становятся более гибкими и динамичными. Виртуальные сообщества и онлайн-платформы позволяют людям с общими интересами и ценностями объединяться, независимо от их географического положения, что способствует расширению понятий «свой» и «чужой» за пределы традиционных территориальных и культурных границ.

Глобализация, с другой стороны, приводит к усилению взаимосвязей между различными культурами и обществами, что может способствовать размыванию традиционных границ «своих» и «чужих». Однако этот процесс также сопровождается реакцией в виде укрепления локальных идентичностей

и культурных барьеров, направленных на сохранение уникальности и самобытности групп. Таким образом, глобализация создает парадоксальную ситуацию, в которой одновременно происходит как расширение, так и укрепление границ между группами.

Цифровые технологии оказывают значительное влияние на процессы самоидентификации и социальной изоляции в закрытых сообществах. С одной стороны, они предоставляют новые возможности для выражения и формирования идентичности, позволяя членам таких сообществ поддерживать связь и обмениваться информацией, несмотря на физическую изоляцию. Виртуальные пространства становятся местом для укрепления внутренней солидарности и самосознания, где члены сообщества могут совместно обсуждать и утверждать свои ценности и нормы.

С другой стороны, цифровизация может усиливать социальную изоляцию, особенно если она приводит к снижению качества реальных межличностных контактов и укреплению замкнутых информационных пузырей¹. В таких случаях члены закрытых сообществ могут оказаться в ситуации, когда их восприятие мира ограничено и искажено, что затрудняет взаимодействие с внешним миром и способствует углублению социальной изоляции. Кроме того, постоянное пребывание в онлайн-пространстве может привести к эмоциональному выгоранию и снижению психоэмоционального благополучия, особенно если виртуальное общение не компенсирует потребность в реальных, глубоких межличностных связях.

Таким образом, влияние цифровых технологий на закрытые сообщества является двусторонним процессом, который может как способствовать укреплению внутренней идентичности и солидарности, так и усиливать социальную изоляцию и ограниченность восприятия внешнего мира.

¹ Олешкова А.М. Социальные сети как современный тотальный институт // Общество: политика, экономика, право. Казань, 2024. № 10. С. 65–66.

2.4. Школа как квази–тотальный институт

В социальной науке школа часто рассматривается как квази–тотальный институт – она обладает чертами, сходными с «тотальными институтами» Э. Гоффмана, но не полностью изолирована от общества.

Первое ключевое сходство – регламентация всех аспектов жизни. В школе ученики проводят в одном месте подавляющую часть своего времени: учатся, едят, общаются, отдыхают по расписанию, составленному администрацией. Часто существует единая форма, строгие правила поведения, распорядок дня, а персональная свобода ограничена – вплоть до запрета приносить телефоны, строгий контроль дисциплины.

Второй аспект – изъятие прежних ролей и идентичностей. Поступая в школу, ребенок переводится в новую социальную среду и вынужден подчиняться формальным нормам: он получает оценку, может быть «отрезан» от прежней индивидуальности, лишен свободы выбирать, какие знания ему освоить – эти функции выполняет образовательная система.

Третье сходство – иерархия власти: администрация, преподаватели, старшеклассники контролируют младших. Принуждение к соблюдению правил, карательные меры (запрет на перемещение, замкнутый кабинет, замечания в дневник).

Четвёртое – наличие ритуалов входа и выхода. Первоклассники дарят букет учительнице как символ вступления, выпускники проходят с трибуны под гимн – эти акты формализуют смену ролей. Пропуски, оценки, переводы в следующий класс – все это регламентированные переходы.

Тем не менее, школа – квази–тотальный институт, а не полноценный: ученики возвращаются домой, сохраняют семьи, развивают внешние связи.

Подытоживая, школа сочетает:

– институциональный режим с расписанием, формой, правилами и дисциплиной;

- формирование «институционального» Я через оценки, оценки/роли, выбор – замещение идентичности частью школьной;
- ролевую и властную иерархию, где старшие и учителя имеют безусловную символическую «власть» над младшими;
- церемонии и символические переходы, что создаёт ощущение принадлежности и закреплённых ролей;
- частичную изоляцию, ограничивающую автономную деятельность учеников вне системы школы.

Таким образом, школа выступает как своего рода микро–тотальный институт, воспроизводя подчас тотальные механизмы социализации, дисциплины и идентичности, но сохраняя связь с обычной жизнью.

Глава 3. Применение результатов исследования

3.1. Исследование черт тотального института в современных российских школах и проявления дихотомии «свой–чужой»

В рамках опроса «Характеристики тотального института в городской школе: проявления дихотомии «свой–чужой» приняло участие 43 человека. Половая картина составила 64% женщин и 36% мужчин. Большинство проживало на момент учебы в городе (92%), а возраст опрашиваемых 20-22 года. Успеваемость была представлена разная: 40% хорошистов, 35% отличников, у 25% «допускались тройки». Вопрос об активной внеурочной деятельности также не показал категоричных результатов – «лишь» 37% ответили «да».

Первым же интересным замечанием является наличие одного из ключевых пунктов тотального института – вопрос о занятости ученика. Так, более 60% опрошенных категорично ответили, что школа не занимала весь их день. Однако не менее 40% ответили, что школа скорее всего затрагивала весь их день (рис. 3.1.)

Рисунок 3.1. Показатели загруженности школьников

Однако более категоричный ответ заявляется на вопрос, что школа не строго регулировала их день 71% против 29%. В то же время не нашлось

однозначного ответа на вопрос «угнетало ли ходить каждый день в школу» 55% против 45% (рис. 3.2.).

Рисунок 3.2. Показатели «усталости» школьников

На вопрос о наличии символического наказания за легкие проступки также не нашлось однозначного ответа 53% – нет, 47% – да. Это также указывает на квази–тотальный характер школы как общественного института. В то же время, 54% ответили нет на вопрос, что школа «подавляет» их индивидуальность, однако 46% также является внушительным числом.

Наиболее ярким результатом стал вопрос о занятости вечером. Так, более 75% ответили, что в вечернее время суток приходилось заниматься делами, связанными со школой (рис. 3.3.).

Вечером мне в основном приходилось делать дела, связанный со школой

43 ответа

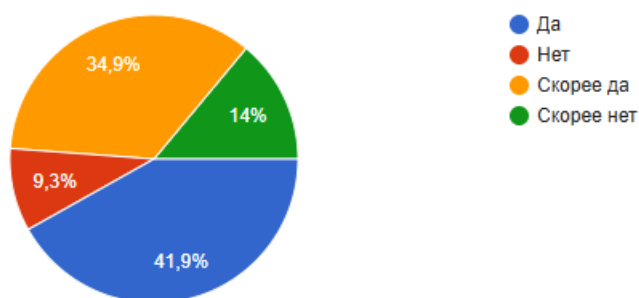

Рисунок 3.3. Показатели занятости школьников в вечернее время

Касательно физического и психического насилия ситуация обстоит следующим образом. 43% опрошенных подвергались психическому или физическому воздействию со стороны учителей, 46% со стороны сверстников. Это также показывает довольно специфическую черту наличия подобных практик как атавизм тотального института.

Наиболее спорным пунктом стала привязанность оценки личности ученика к школе (рис. 3.4.). Здесь можно отметить, что большинство учеников определяли свой статус из привязанности к школе, так как альтернативный источник активного «социального капитала» на данном этапе только семья.

Оценка моей личности зависела от моих успехов в школе

43 ответа

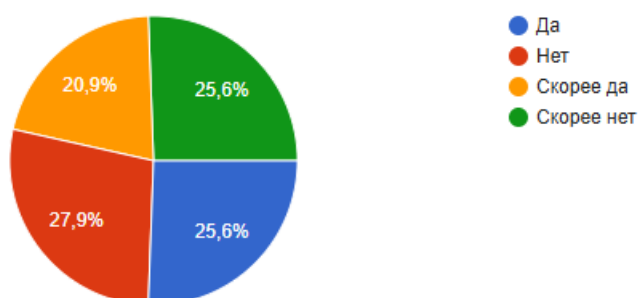

Рисунок 3.4. Показатели оценки личности

Положительным моментом можно выделить, что более 68% родителей не оценивали личность ученика только по школьным достижениям.

Другим моментом стоит выделить, что ситуация в школе не выглядела как «равная для всех» для большинства участников опроса. Однако более 72% ответили, что не уставали от постоянного контакта «с одними и теми же лицами».

Наиболее показательным является вопрос о том, что участники опроса делали каждый день примерно одно и то же. Это является одним из важнейших показателей иллюзорности общего рационального действия и особого плана (рис.3.5.).

Мне казалось, что каждый день я делал примерно одно и то же

43 ответа

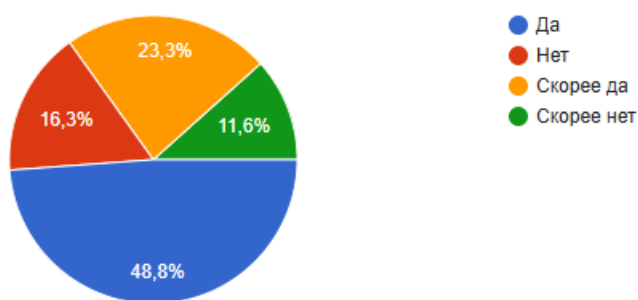

Рисунок 3.5. Показатели рутинности

Касательно символов, в особенности одежды, большинство не находило проблемы в ограниченности школьной формы. Положительным моментом также является то, что более 70% сохранили позитивный контакт с одноклассниками.

Обращаясь к «дихотомии» стоит выделить следующее. Более 83% ответили, что класс делился на подгруппы (рис 3.6.). Однако о категоричности и закрытости этих групп однозначного ответа нет. 53% ответили, что группы неохотно включали в себя новых участников и имели свои правила.

В моей школе класс делился на определённые подгруппы

43 ответа

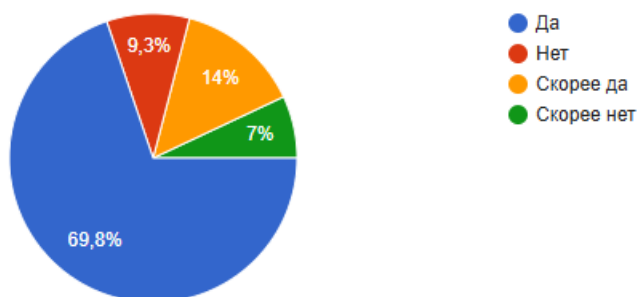

Рисунок 3.6. Показатели внутренней фрагментации

Лишь 34% заявили, что группы не доверяли друг другу, однако 67% ответили, что группы по-разному себя проявляли при контакте с учителями. Касательно символов, то 49% опрошенных заявили, что у подгрупп были свои специфические знаки отличия. Более 62% заявляли, что чувствовали себя «чужими» с определенными одноклассниками (рис 3.7.). Но в то же время более 75% заявляли, что не ощутили бы себя чужим со школьным руководством, если бы совершили лёгкий проступок. В то же время более 62% заявили, что чувствовали себя «своим» в школе. Таким образом, больший антагонизм проявляется в школе больше среди «постояльцев», нежели среди «постояльцев» и «руководителей»

Порой мне казалось, что я ощущал себя "чужим" с определенными одноклассниками

43 ответа

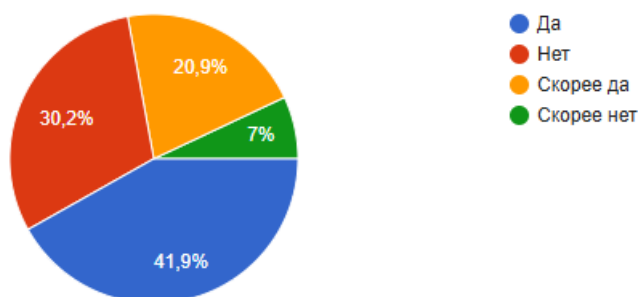

Рисунок 3.7. Показатель «чужой»

В целом, можно сказать, что современная городская школа в России демонстрирует явные характеристики квази–тотального института, в котором сочетаются элементы регламентации жизни и контроля с относительной свободой и возможностью сохранения личностной автономии учащихся. Школа не полностью подчиняет себе все аспекты жизни учеников, однако определённый уровень организационного и символического давления сохраняется. Наиболее отчётливо прослеживается внутренняя фрагментация ученического коллектива, выражающаяся в дихотомии «свой – чужой», при этом дистанция между учащимися и администрацией воспринимается значительно менее остро. Внутренние группы имеют свои нормы, границы и признаки принадлежности, что создаёт микросоциальные иерархии. Несмотря на наличие отдельных признаков подавления индивидуальности и дисциплинарных практик, школа остаётся в рамках социального института, в котором возможны доверие, поддержка и сохранение позитивных социальных связей. Таким образом, школа выполняет двойственную функцию – с одной стороны, она структурирует пространство и поведение учащихся, с другой – предоставляет возможности для самореализации и сохранения личной идентичности.

3.2. Методическая разработка воспитательной программы в рамках классных часов и мероприятий

Методическая разработка, представленная в данной выпускной квалификационной работе, включает в себя два ключевых аспекта: знаниевый и воспитательный. Знаниевый компонент предполагает ознакомление подростков с феноменом дихотомии «свой–чужой» и спецификой функционирования тотальных институтов. Воспитательный аспект направлен на профилактику девиантного поведения в условиях закрытых социальных систем, таких как кадетские корпуса, интернаты, лагеря и другие формы тотальных институтов. В рамках реализации

методики предполагается проведение серии занятий, классного часа и мероприятия, объединённых под общей темой: «Между «Своими» и «Чужими»: самоидентификация в тотальных институтах». Основная задача данной программы – формирование у подростков критического отношения к механизмам социальной сегрегации, преодоление этноцентрических установок, развитие навыков рефлексии и понимания «другого» в условиях ограниченного социального пространства.

Цель программы – создать условия, при которых возможно развитие рефлексивных навыков у подростков, преодоление этноцентризма и формирование толерантной социальной идентичности в условиях закрытых систем, а также обретение базовых предметных знаний, которые могут воплотить при решении реальных кейсов.

Целевая аудитория – учащиеся в возрасте от 14 до 17 лет, находящиеся в образовательных организациях, а также учащиеся более закрытых школ (интернаты, кадетские корпуса и т.д.)

Структура программы включает в себя 4 занятия. Программа предполагает активное использование интерактивных форматов, направленных на вовлечение участников в процесс осмысления и анализа собственной идентичности, социального взаимодействия и механизмов знаковости.

Методическое обеспечение включает:

1. **Диагностические инструменты**, в том числе тест Куна для фиксации изменений в самоидентификации участников и опросник М. Рокича «Ценностные ориентации».
2. **Интерактивные методы**, такие как мозговой штурм, анализ кейсов (например, конфликт в кадетском корпусе), социодраматические практики с распределением ролей («новенький» и «старожил»).
3. **Рефлексивные практики**, включая ведение дневника «Я и институт», где предлагаются задания, такие как: «Опишите случай, когда вы чувствовали себя «чужим»».

Ожидаемые результаты реализации программы:

Личностные результаты:

- укрепление ценностно-смысловой ориентации: учащиеся осознают свою идентичность и позицию внутри класса, понимают принципиальную важность дифференциации «свой–чужой»;
- нравственно-этическое становление: формирование способности к моральной оценке поведения в групповых ситуациях, развитие эмпатии и уважения к разнообразию социальных ролей;
- социально-гражданская компетентность: ребята приобретают представление о своем месте в коллективе, гражданской ответственности и правилах взаимодействия внутри группы;
- самоопределение и саморазвитие: учащиеся утверждают себя в своей позиции и видят перспективы самореализации в группе, разбираясь, как сохранять индивидуальность, не нарушая групповых норм.

Метапредметные результаты:

Регулятивные результаты:

- целеполагание: способность формулировать социально значимые учебные цели, связанные с темой «свой–чужой» (например, «исследовать характер внутриклассных отношений»); умение связывать их с личной мотивацией;
- планирование: выстраивание собственной линии действий при выполнении проектных или ролевых заданий, анализ необходимых шагов и ресурсов;
- прогнозирование: осознание возможных последствий тех или иных действий внутри группы, предвидение реакций «своих» и «чужих»;
- контроль, коррекция и оценка: отражение эффективности своих действий, корректировка стратегий взаимодействия и критическая оценка полученных результатов.

Познавательные результаты:

- формулирование проблемного вопроса: учащиеся учатся выявлять конфликтные ситуации и задавать вопросы в формате «почему между группами возникает дистанция?»;

- поиск и анализ информации: умение собирать сведения о социальной идентичности, фильтровать и обобщать данные, находить связи между фактами;

- моделирование и доказательство гипотез: ученики создают собственные гипотезы о причинах формирования групп «свой–чужой» и проверяют их через практические задания;

- логические умения: анализируют причинно-следственные связи, обосновывают выводы и строят аргументированное рассуждение.

Коммуникативные результаты:

- построение диалога и аргументация: учащиеся учатся ясно выражать свои мысли о внутригрупповой динамике, слушать и понимать чужие точки зрения, договариваться;

- сотрудничество: навыки совместного проектирования заданий, распределения ролей и коллективного обсуждения;

- разрешение конфликтов: умение мотивированно и уважительно решать противоречия, возникающие из-за различия восприятий «свой» и «чужой»;

Предметные результаты:

- понимание понятийной базы: учащиеся осваивают ключевые социально-гуманитарные понятия, такие как дихотомия «свой-чужой», «социальная идентичность», «статус», «групповая солидарность», «тотальный институт»

- применение знаний на практике: обучающиеся учатся использовать полученные знания для анализа реальных ситуаций во внутришкольной и внешкольной среде (взаимоотношения в классе, обсуждение общественно значимых тем);

– осмысление социальных процессов: развитие способности объяснять причины формирования групповой принадлежности и отчуждения, анализировать проявления включения/исключения в разных социальных контекстах;

– развитие критического мышления: учащиеся учатся ставить под сомнение стереотипы, оценивать достоверность информации и мнений, осознанно подходить к процессу принятия решений в социальной среде;

– интеграция межпредметных связей: умение связывать темы «свой–чужой» с историческими, культурными и литературными контекстами, что способствует целостному восприятию проблемы через призму разных учебных дисциплин (история, обществознание, литература).

Возможные риски и рекомендации при реализации программы также были учтены:

– провокационный характер темы: рекомендуется избегать прямых аналогий между образовательными учреждениями и пенитенциарными системами, делая акцент на «мягкие» формы тотальности (например, лагеря или больницы);

– эмоциональная нагрузка: необходимо предусмотреть возможность для эмоциональной разгрузки, например, обустроить «места силы» – уголки для релаксации в кабинете школьного психолога;

– интеграция в образовательный процесс: желательно связать программу с содержанием учебных предметов, таких как обществознание (раздел «Социальные институты») и литература (например, анализ повести В. Железникова «Чучело» как иллюстрации проблем инаковости и дихотомии «свой–чужой»).

Содержание воспитательной программы

Блок 1. Теория идентичности (классный час).

Первое занятие – «Кто Я в системе координат?» – направлено на осознание участниками собственной идентичности с помощью методики Куна «20 высказываний» и интерактивной работы с картой социальных ролей (семья, школа, онлайн-сообщество).

Блок 2. Тотальные институты как усилители дихотомии (занятие в рамках урока обществознания)

Второе занятие – «Правила, униформа, иерархия: жизнь в системе» – направлено на анализ признаков тотальных институтов: изоляции, регламентации, деиндивидуализации. Практическая часть включает сравнение школьного устава и Устава внутренней службы Вооружённых сил РФ. Кроме того, проблема соотносится со следующими темами из ФРП 10-11 класса (базовый уровень):

1. «Социальные общности, группы, их типы»
2. «Социальные статусы и роли».
3. «Социальная мобильность, ее формы и каналы в современном российском обществе»,
4. «Социальные нормы и отклоняющееся (девиантное) поведение».
5. «Формы социальных девиаций. Конформизм».
6. «Социальный контроль и самоконтроль».

Заявленная тема полностью реализуема в рамках урока, так как комплексно затрагивает сразу несколько важнейших тем.

Третье занятие рамках урока истории – история появления и функционирования тотальных институтов, особенности складывания взаимоотношения внутри них.

Блок 3. Трансформация «чужого» в «другого» (внеурочное мероприятие)

В рамках пройденного материала происходит игровая викторина, а также рассматриваются ситуации, связанные с заявленной проблемой.

Ситуации для анализа дихотомии «Свой–Чужой» в тотальных институтах:

1. Военная часть (Курс молодого бойца).

Ситуация: рядовой Иванов, только что прибывший из другого военного округа, на вечерней поверке неправильно доложил командиру роты, используя формулировку, принятую в его прежней части. Старшина роты, сержант Петров (служивший здесь 5 лет), громко отчитал его перед строем за «незнание устава части». Сослуживцы Иванова по взводу смущенно переглянулись.

Вопросы для группы: Кто здесь «свой»? Кто «чужой»? По каким признакам (устав, язык, стаж, лояльность)? Может ли Иванов перестать быть «чужим»? Каким образом?

2. Психиатрическая больница (Стационарное отделение).

Ситуация: в палату к длительно находящимся пациентам (Васе и Пете) поместили нового пациента, Николая. Он ведет себя тихо, но отказывается участвовать в общих беседах пациентов за обедом, читает сложные философские книги (принесенные родственниками) и задает медсестре вопросы о схеме лечения, чем вызывает ее раздражение. Вася и Петя шепчутся, что он «странный» и «не наш».

Вопросы для группы: Кто «свой» (Вася, Петя)? Кто «чужой» (Николай)? Почему? Какую роль играет поведение, внешний вид, взаимодействие с персоналом? Может ли персонал больницы (медсестра) быть «чужим» для пациентов? А пациент – «чужим» для персонала?

3. Школа-интернат (Старшие классы).

Ситуация: в класс, где все ученики живут в интернате с младших классов и образуют очень сплоченную группу, переводят новую ученицу, Свету. Она живет дома с родителями, приезжает только на уроки. На перемене она достает дорогой телефон последней модели (у большинства

интернатовцев телефоны старые или их нет) и слушает музыку в наушниках, не пытаясь вступить в разговор. Группа «старожилов» называет ее «принцессой» и «белой вороной».

Вопросы для группы: Кто «свои» (группа старожилов)? Кто «чужой» (Света)? Какие факторы определяют «чуждость» (место проживания, материальное положение, поведение)? Является ли сама школа-интернат как система «своей» или «чужой» для этих учеников?

4. Тюрьма (Общая камера).

Ситуация: в общую камеру прибывает новый заключенный, Алексей. Он осужден по статье за экономическое преступление (мошенничество), впервые. Остальные в камере – в основном люди с большим криминальным стажем, осужденные за насильственные преступления. Они смотрят на Алексея с презрением и заставляют выполнять грязную работу.

Вопросы для группы: Кто «свои» в камере («воры», «бойцы»)? Кто «чужой» (Алексей)? По каким критериям определяется принадлежность (статья, срок, криминальный статус, соблюдение «понятий»)? Как администрация тюрьмы (надзиратели) относится к этой дихотомии? Они – «свои» или «чужие» для обеих групп?

5. Армейская часть (Казарма).

Ситуация: солдат Сидоров заметил, что его сослуживец, рядовой Козлов, тайком берет телефон (что строго запрещено Уставом) и звонит домой после отбоя. Сидоров рассказал об этом дежурному по роте (сержанту). Сержант наказал Козлова. Теперь все сослуживцы по взводу избегают Сидорова, называют его «стукачом» и «предателем», перестали с ним разговаривать.

Вопросы для группы: Кто «свой» для солдат взвода (Козлов, группа)? Кто стал «чужим» (Сидоров)? Почему? Какую роль сыграло следование / нарушение формальных правил (Устава) и неформальных норм («не выноси сор из избы»)? Является ли сержант («система») «своим» для солдат?

6. Монастырь (Послушничество).

Ситуация: в монастырь пришел новый послушник, Дмитрий. Он искренне стремится к духовной жизни, но вырос в городе, имеет высшее светское образование, привык задавать вопросы и дискутировать. Старшие послушники и монахи, многие из которых выросли в глубоко верующих семьях в сельской местности и воспринимают послушание как нечто само собой разумеющееся, считают его манеры «вычурными», вопросы – «дерзостью», а самого Дмитрия – «не от мира сего» в негативном смысле, неспособным понять «нашу» простую жизнь.

Вопросы для группы: Кто «свои» (старшие послушники, монахи)? Кто «чужой» (Дмитрий)? На основе чего строится это различие (происхождение, образование, стиль мышления, поведение)? Какова роль традиции и авторитета старших в формировании «своих»? Может ли игумен (настоятель) быть «чужим» для братии?

7. Детский лагерь (Старший отряд).

Ситуация: в отряд, где ребята уже подружились за первую смену и имеют свои традиции и шутки, приезжает «новичок» на вторую смену – Максим. Он пытается влиться в игры и разговоры, но не понимает местного сленга и шуток «про Петровича» (вожака прошлой смены). Ребята вежливы, но держатся отстраненно, не включают его в свои «тусовки», называют за глаза «сменкой». Максим чувствует себя одиноким.

Вопросы для группы: Кто «свои» (основная группа отряда)? Кто «чужой» (Максим)? По каким признакам (время прибытия, знание локального контекста, язык / сленг)? Какую роль играют сложившиеся связи и традиции? Являются ли вожатые частью группы «своих» для детей или они – «чужие», представители администрации?

8. Кадетский корпус (Младший курс).

Ситуация: на занятиях по строевой подготовке кадет Егоров (сын военного, выросший в военном городке) выполняет команды четко и автоматически. Кадет Сорокин (поступивший из обычной школы, потому что нравится форма) путается, сбивается с шага. Старшина группы (курсант

старшего курса) хвалит Егорова как «настоящего кадета» и ругает Сорокина: «Ты что, не наш? Не можешь как все?». Группа смеется над Сорокиным.

Вопросы для группы: Кто здесь «свой» (Егоров, старшина)? Кто «чужой» (Сорокин)? На чем основано это деление (происхождение, соответствие ожиданиям, успешность в освоении норм)? Какую роль играет фигура старшины (иерархия) в закреплении статуса «свой–чужой»?

9. Международный волонтерский лагерь (Экологический проект).

Ситуация: группа волонтеров из одной страны (условно «Зеландия»), работающая вместе на проекте уже неделю, очень сплотилась. Приезжают двое новых волонтеров из другой страны («Аквитания»). Они говорят на своем языке между собой, готовят свою национальную еду на общей кухне, шутят над местными обычаями, которые «зеландцы» уже полюбили. «Зеландцы» начинают жаловаться координатору, что «аквитанцы» «не хотят интегрироваться» и «держатся особняком».

Вопросы для группы: Кто «свои» («зеландцы»)? Кто «чужие» («аквитанцы»)? Почему? Как культурные различия (язык, еда, юмор) становятся маркерами «чуждости»? Может ли координатор проекта быть «своим» для одной из групп? Как преодолеть эту дихотомию в мультикультурной среде?

Рекомендации для учителя по использованию карточек:

- ситуации охватывают разные типы тотальных институтов (военные, медицинские, образовательные, исправительные, религиозные, добровольческие), что позволяет увидеть универсальность феномена;

- в большинстве ситуаций нет единственно верного ответа. Цель – аргументированная дискуссия о критериях «свой–чужой». Поощряйте разные точки зрения;

- подталкивайте группы выделять конкретные признаки (нормы, правила, язык, поведение, внешность, происхождение, статус, лояльность), которые используются для разграничения;

– осудите, как сам институт (его правила, иерархия, изоляция) создает условия для возникновения и усиления этой дихотомии. Кто представляет «систему» в каждой ситуации?;

– задавайте вопросы о возможности перехода из статуса «чужой» в «свой» и наоборот. Что для этого нужно?;

– после обсуждения всех ситуаций в группах, проведите общую рефлексию: какие критерии «свой–чужой» встречались чаще всего? Где границы между «чужим» и просто «другим»? Как это знание можно применить в их собственной школьной жизни?;

3.3. Технологическая карта мероприятия

Методическая карта выполняет функцию обоснованного инструмента, направленного на стимулирование образовательного процесса через групповые формы взаимодействия и анализ проблемных ситуаций. Используя подготовленные комплексы методических материалов, учащиеся будут исследовать проявления и механизм дихотомии «свой–чужой» в рамках функционирования тотального института, а также проанализируют её влияние на внутригрупповые и межгрупповые отношения.

Автор	Красильников Андрей Сергеевич
Класс	10–11 классы
Тема	Между «Своими» и «Чужими»: самоидентификация в тотальных институтах
Время мероприятия	1 час 30 минут
Цель мероприятия	1) Закрепление пройденного материала в рамках игровой викторины 2) Применение навыков в различных ситуациях 3) Рефлексия материала
Задачи мероприятия	1) Создать и провести интерактивную игру 2) Разобрать кейсы 3) Обсудить итоги мероприятия
Предметные УУД	Предметная область «Обществознание»: Знать: – социальную идентичность, дихотомию «свой–чужой», понятие тотального института, социальную норму, девиацию; – особенности функционирования закрытых социальных институтов и их влияние на поведение личности; – причины возникновения групповой сегрегации и стереотипизации. Уметь: – выявлять и анализировать признаки дихотомии «свой–чужой» в социальных ситуациях; – интерпретировать механизмы группового давления, стигматизации и исключения; – аргументированно обсуждать свои позиции на

	<p>основе кейсов.</p> <p>Владеть:</p> <ul style="list-style-type: none"> – инструментами диагностики социальной идентичности (методика Куна, опросник Рокича); – навыками ролевого взаимодействия и критического анализа; – методами этичного обсуждения конфликтных тем в группе. <p>Предметная область «История»:</p> <p>Знать:</p> <ul style="list-style-type: none"> – примеры тотальных институтов (армия, монастырь, лагеря, интернаты); – этапы изменения общественного восприятия нормы и отклонения; – исторические практики изоляции и группового давления. <p>Уметь:</p> <ul style="list-style-type: none"> – сопоставлять исторические и современные формы дихотомии «свой–чужой»; – анализировать источники с точки зрения социокультурной идентичности; – делать выводы о влиянии институтов на личность. <p>Владеть:</p> <ul style="list-style-type: none"> – приёмами исторической реконструкции социальных ролей; – навыками работы с первоисточниками и документами; – методами контекстного анализа социокультурных явлений. <p>Предметная область «Литература»:</p> <p>Знать:</p> <ul style="list-style-type: none"> – произведения о конфликте «иной – свой» (например, «Чучело», «Повелитель мух»); – литературные образы, отражающие социальную инаковость; – жанровые особенности текстов на темы изоляции. <p>Уметь:</p> <ul style="list-style-type: none"> – анализировать героев с позиции групповой принадлежности; – интерпретировать конфликты героев как отражение соцреальности;
--	---

	<p>– выражать своё отношение через сочинения, эссе, дневник.</p> <p>Владеть:</p> <p>– языковыми средствами аргументации и самовыражения;</p> <p>– приёмами художественно-рефлексивного письма;</p> <p>– навыками сопоставления различных текстов.</p>
Метапредметные УУД	<p>Познавательные УУД:</p> <p>– извлечение и обработка информации из различных источников (тексты, кейсы, иллюстрации), описание феномена дихотомии «свой–чужой»;</p> <p>– анализ, синтез, классификация, построение причинно-следственных связей между признаками групповой сегрегации;</p> <p>– постановка проблемного вопроса и моделирование социальных ситуаций (например, кейсов из тотальных институтов), выдвижение гипотез и поиск решений.</p> <p>Регулятивные УУД:</p> <p>– целеполагание – формулировка учебных задач, связанных с пониманием феномена «свой–чужой»;</p> <p>– планирование – выстраивание последовательности действий при анализе кейса или в ролевой игре;</p> <p>– прогнозирование – предвидение последствий групповой сегрегации; контроль, коррекция собственных реакций и действий во взаимодействии с одноклассниками;</p> <p>– оценка – сопоставление результатов своих действий с поставленной целью, рефлексия над успехами и трудностями.</p> <p>Коммуникативные УУД:</p> <p>– ведение конструктивного диалога: умение задавать вопросы, слушать, принимать альтернативные точки зрения;</p> <p>– организация совместной деятельности – распределение ролей, коллективное обсуждение кейсов и ролевых заданий;</p> <p>– дискуссия и аргументация – чёткое изложение собственных мыслей, обоснование позиции, корректировка её в ходе обсуждения;</p> <p>– конфликтное взаимодействие – выявление</p>

	противоречий, выбор способов решения, выработка компромисса.
Личностные УУД	<ul style="list-style-type: none"> – смыслообразование – осознание значимости темы «свой–чужой» для собственного опыта социализации и самоопределения; – нравственно-этическая ориентация – способность различать этические аспекты в кейсах, формирование уважения и толерантности; – самоопределение – осознание своей социальной роли и границ идентичности в условиях ограниченного пространства тотального института.
Формы работы	<ul style="list-style-type: none"> 1) Групповая интерактивная игра 2) Викторина 3) Групповой мозговой штурм при решении вопросов
Приемы и методы работы с информацией на мероприятии	<p>1. Работа с текстовыми источниками Комментированное чтение – разметка текста с помощью пометок в полях. Составление схем, таблиц, вопросов к текстам. Анализ тематических досье – сопоставление разных источников и выявление точек зрения.</p> <p>2. Работа с изображениями и картами Анализ иллюстраций – описание, поиск деталей, постановка вопросов. Картографические приёмы – чтение карт, составление схем, моделирование институтов.</p> <p>3. Медиа и динамические материалы Просмотр и обсуждение видеоматериалов – анализ ролей участников. Критика медиа – выявление манипуляций и ценностных позиций.</p> <p>4. Интерактивные и групповые методы Мозговой штурм, кейс-аналитика, ролевые игры, симуляции социальных ситуаций. Метод «ПОПС» – аргументированное изложение позиций участников. Методы групповой дискуссии («Займи позицию», «Карусель», и т.д.).</p>
Педагогические технологии	Информационные технологии и технология критического мышления развивать у учащихся критическое мышление, (умение анализировать, аргументировано доказывать и отстаивать свою точку зрения, видеть альтернативные подходы,

	развивать свои творческие способности и учиться грамотно вести дискуссию).
I Этап викторина (40 минут)	
Деятельность учителя	<p>Разработка вопросов, распределение их по уровням сложности (1, 2 и 3 балла), подготовка материалов для команд.</p> <p>Объяснение правил викторины, распределение учеников по командам, назначение ведущих и судей.</p> <p>Управление временем, поддержание дисциплины, стимулирование активности участников.</p> <p>Объективная оценка ответов, использование критериев оценивания, предоставление обратной связи</p> <p>Анализ результатов викторины, обсуждение достижений и трудностей, выявление областей для дальнейшего развития.</p>
Деятельность ученика	<p>Обсуждение вопросов внутри команды, выработка общего ответа.</p> <p>Назначение ответственного за представление ответа, времяфиксатора и записывающего.</p> <p>Предоставление обоснований выбранных ответов, использование логики и знаний.</p> <p>Поддержка членов команды, помощь в решении сложных вопросов.</p> <p>Анализ командной работы, выявление сильных и слабых сторон взаимодействия.</p>
УУД	<p>Личностные:</p> <ul style="list-style-type: none"> – осознают свои достижения, адекватно воспринимают успехи и неудачи, формируют положительную мотивацию к развитию; – проявляют интерес к познанию нового, стремятся к достижению лучших результатов, проявляют инициативу; – осознают свою роль в команде и в общем процессе, принимают ответственность за результаты коллективной деятельности. <p>Метапредметные:</p> <p>Познавательные:</p> <ul style="list-style-type: none"> – учащиеся выделяют ключевые понятия и факты, выявляют причинно-следственные связи между ними, что позволяет глубже понять тему викторины; – ученики осуществляют поиск и обработку

	<p>данных из предложенных источников, фильтруют и систематизируют информацию для решения вопросов викторины;</p> <ul style="list-style-type: none"> – формируют последовательные рассуждения, обосновывают свои ответы, делают выводы на основе анализа фактов и контекста; – учащиеся выдвигают гипотезы, проверяют их, сопоставляют с предложенными вариантами, что способствует развитию критического мышления; – четко и логично излагают свои мысли, аргументируют ответы, формируют умение публично представлять информацию и защищать свою точку зрения. <p>Регулятивные:</p> <ul style="list-style-type: none"> – учащиеся формируют цели своего участия в викторине, осознают, какие знания и навыки необходимо продемонстрировать; – следят за ходом выполнения заданий, оценивают свои действия и действия команды в процессе викторины; – проводят анализ собственных достижений и ошибок, что помогает корректировать подход к решению последующих вопросов. <p>Коммуникативные:</p> <ul style="list-style-type: none"> – учащиеся активно участвуют в обсуждении, внимательно слушают других, задают уточняющие вопросы, формируют навыки конструктивного общения; – обосновывают свою позицию, приводят убедительные доводы, учатся убеждать и отстаивать мнение; – организуют совместную деятельность, распределяют роли и обязанности внутри группы, поддерживают рабочую атмосферу; – научаются мирно урегулировать разногласия, вырабатывают компромиссы и поддерживают взаимоуважение; – анализируют эффективность командного взаимодействия, выявляют сильные и слабые стороны коммуникации для последующего улучшения. <p>Предметные:</p> <ul style="list-style-type: none"> – понимание понятийной базы: учащиеся осваивают ключевые социально-гуманитарные
--	---

	<p>понятия, такие как дихотомия «свой-чужой», «социальная идентичность», «статус», «групповая солидарность», «тотальный институт»</p> <p>– умение связывать темы «свой–чужой» с историческими, культурными и литературными контекстами, что способствует целостному восприятию проблемы через призму разных учебных дисциплин (история, обществознание, литература).</p>
Оценивание	<p>Викторина состоит из 30 вопросов, распределённых по уровням сложности:</p> <p>15 вопросов – по 1 баллу: теоретические вопросы, проверяющие знание фактов и понятий.</p> <p>10 вопросов – по 2 балла: задания, требующие анализа и синтеза информации.</p> <p>5 вопросов – по 3 балла: творческие задания, предполагающие оригинальный подход и аргументацию.</p>
II Этап. Работа с раздаточным материалом (40 минут)	
Деятельность учителя	<p>Учитель разрабатывает раздаточные материалы, включая кейс-задания, соответствующие возрастным особенностям и образовательным целям.</p> <p>Перед началом работы с материалами учитель проводит инструктаж, объясняя цели задания, критерии оценки и ожидаемые результаты.</p> <p>Во время выполнения заданий учитель наблюдает за процессом, предоставляет необходимую помощь и стимулирует учащихся к активному участию.</p> <p>После завершения работы учитель оценивает результаты, предоставляет обратную связь, выделяя сильные стороны и области для улучшения.</p>
Деятельность ученика	<p>Учащиеся делятся на группы, в каждой из которых распределяются роли (например, ведущий, записывающий, докладчик), что способствует эффективному сотрудничеству.</p> <p>Группы обсуждают кейс-задания, вырабатывают совместные решения, что развивает навыки коллективного мышления.</p> <p>Каждая группа представляет свои выводы и решения перед классом, что способствует развитию навыков публичного выступления.</p>

	<p>После презентации группы оценивают работу друг друга, выделяя сильные и слабые стороны, что способствует развитию критического мышления.</p>
УУД	<p>Личностные:</p> <ul style="list-style-type: none"> – учащиеся учатся анализировать свои действия, осознавать свои сильные и слабые стороны, что способствует развитию самосознания и способности к саморазвитию; – учащиеся учатся понимать и разделять чувства других, что способствует развитию эмпатии и социальной ответственности. <p>Метапредметные:</p> <p>Коммуникативные:</p> <ul style="list-style-type: none"> – учащиеся учатся эффективно взаимодействовать в группе, распределять роли и обязанности, что способствует развитию навыков сотрудничества и коллективного решения задач; – в процессе работы группы может проявиться лидер, который берет на себя ответственность за организацию работы и принятие решений, что способствует развитию лидерских качеств у учащихся; – учащиеся учатся вести конструктивный диалог, высказывать и обосновывать свою точку зрения, слушать и учитывать мнение других, что развивает коммуникативные навыки; – учащиеся учатся воспринимать и уважать мнения других, учитывать различные точки зрения при принятии решений, что способствует развитию толерантности и критического мышления. <p>Регулятивные:</p> <ul style="list-style-type: none"> – учащиеся учатся самостоятельно организовывать свою деятельность, контролировать свои эмоции и поведение, что способствует развитию самоконтроля и ответственности; – учащиеся учатся оценивать ход выполнения задания, выявлять и устранять ошибки, что способствует развитию навыков самооценки и самокоррекции. <p>Познавательные:</p> <ul style="list-style-type: none"> – учащиеся знакомятся с новыми идеями, концепциями и подходами, что способствует расширению их кругозора и развитию любознательности.

	<p>Предметные:</p> <ul style="list-style-type: none"> – обучающиеся учатся использовать полученные знания для анализа реальных ситуаций во внутришкольной и внешкольной среде (взаимоотношения в классе, обсуждение общественно значимых тем); –развитие способности объяснять причины формирования групповой принадлежности и отчуждения, анализировать проявления включения/исключения в разных социальных контекстах; –учащиеся учатся ставить под сомнение стереотипы, оценивать достоверность информации и мнений, осознанно подходить к процессу принятия решений в социальной среде;
Оценивание	<p>Оценивание результатов работы с раздаточными материалами осуществляется на основе следующих критериев:</p> <ul style="list-style-type: none"> – глубина и обоснованность выделения ключевых элементов, выявление связей между ними; – последовательность и обоснованность предложенных решений, соответствие логике задачи; – ясность и логичность изложения, использование наглядных материалов, убедительность аргументации; – распределение ролей, сотрудничество, разрешение конфликтов; – способность учащихся оценить свою деятельность, выявить достижения и трудности, предложить пути улучшения. <p>Оценивание проводится по пятибалльной шкале, где 5 баллов – отличная работа, 4 – хорошая, 3 – удовлетворительная, 2 – недостаточная, 1 – неудовлетворительная.</p>

III Этап Рефлексия (10 минут)

В завершение мероприятия учитель вместе с учениками подводит итоги и обсуждает пройденный материал. Участники делятся своими впечатлениями, рассказывают, что нового узнали и чему научились. Особое внимание уделяется командной работе – происходит награждение команды, проявившей наибольшую активность, сплочённость и креативность.

Также в финальной части встречи обсуждается важный вопрос: «Почувствовали ли вы себя чужими друг для друга во время мероприятия?» Это помогает участникам осознать ценность взаимодействия, открытого общения и поддержки внутри коллектива. Такое обсуждение способствует развитию эмпатии, укреплению доверия и формированию более дружеской и комфортной атмосферы в классе.

Заключение

Таким образом, самоидентификация индивида в условиях тотального института неизбежно проходит через призму универсальной социальной дихотомии «свой–чужой». Эта дихотомия выполняет не только функцию разграничения, но и является важным инструментом социализации, установления границ допустимого и недопустимого поведения. В пространстве, где официальные каналы социальной мобильности отсутствуют или жестко ограничены, принадлежность к категории «своих» становится стратегическим ресурсом, позволяющим выживать, адаптироваться и даже продвигаться в пределах локальной иерархии.

Во-первых, важно подчеркнуть внутреннюю неоднородность и гибкость структур тотального института. Несмотря на кажущуюся жесткость формального порядка, такие учреждения функционируют как сложные и многослойные социокультурные системы. В них неизбежно возникают параллельные нормативные вселенные – «устав» и «неустав», «официальное» и «неформальное», которые не столько взаимно исключают друг друга, сколько существуют в состоянии постоянного напряжения и взаимной адаптации. Эта амбивалентность становится ключевой характеристикой повседневной жизни в таких условиях.

Во-вторых, практика «жизни внутри» тотального института оказывается гораздо более насыщенной, чем это следует из нормативных описаний. Как показывают исследовательские наблюдения, агенты в подобных условиях проявляют высокий уровень рефлексии, умения ориентироваться в системе знаков, статусов и ожиданий. В этом смысле социальный порядок внутри института не является лишь навязанным извне – он также формируется «изнутри», усилиями самих обитателей. При этом важную роль играет ситуативная креативность, способность к интерпретации, повтору и модификации известных сценариев поведения, а также возникновение особых внутренних групп.

В-третьих, насилие в тотальном институте не следует сводить исключительно к физическим действиям. Гораздо более устойчивыми оказываются символические и церемониальные формы давления, способные эффективно регулировать поведение и отчуждать «своих» от «чужих». Они включают в себя принуждение через язык, нормы, публичное осмеяние, телесные практики и контроль над внешним видом.

Актуальность темы усугубляется тем, что черты тотальности начинают все чаще проявляться и в учреждениях, не относящихся к классическим закрытым организациям. Современные корпорации, спортивные команды, религиозные движения, политические молодежные объединения могут воспроизводить модели поведения, идентичные тем, что наблюдаются в армии, колониях или интернатах: строгая иерархия, изоляция от внешнего мира, контроль над телом и временем, нормирование языка и жестов. Это свидетельствует о трансформации тотальности – от институциональной к повседневной, от вынужденной к добровольной.

Таким образом, феномен дихотомии в контексте тотального института требует не только описания с позиции внешнего наблюдателя, но и понимания его изнутри – через анализ практической компетентности, повседневных решений и локальных форм знания. Только в этом случае становится возможным не просто разоблачение власти и контроля, но и адекватное понимание механизмов сопротивления, выживания и переосмысления своего положения субъектом.

Список использованных источников и литературы

I. Нормативно–правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» // URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 01.02.2025).
2. Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 28.02.2025). – [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 02.03.2025).
3. Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 № 3185 (ред. от 22.07.2024). [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205 (дата обращения: 22.04.2025).
4. Указ Президента РФ «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 01.03.2024). [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806 // (дата обращения: 22.04.2025).
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940 // (дата обращения: 22.04.2025).
6. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования № 1028 от 17.12.2010 (ред. от 27.12.2023). –

[Электронный ресурс] // ФГОС // URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (дата обращения: 02.03.2025).

II. Статьи и монографии по теме исследования

7. Абашкина, Е.В. «Линейка», «Зарядка», «Свечка»: воспроизводство порядка в ритуалах повседневности летнего лагеря / Е.В. Абашкина // Logos et Praxis. – Волгоград: ВГУ, 2014. – № 1. – С. 94–100.
8. Добренкова, В.И. Американская социологическая мысль / В.И. Добренкова. – Москва: МГУ, 1994. – 496 с.
9. Банников, К.Л. Принципы культурогенеза в режимных сообществах. Социально-антропологический анализ российской армии второй половины XX века / К.Л. Банников. – Москва: Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2009. – 389 с.
10. Бочаров, Т.Ю. Правила, время и насилие в казарме: логика тотального института в переходный период // Журнал исследований социальной политики. – Москва: НИУ ВШЭ, 2019. – Т. 17. – № 3. С. 359–374.
11. Бочаров, Т.Ю. Тотальные институты в России /. Журнал исследований социальной политики. – Москва: НИУ ВШЭ, 2019. – Т. 17. – № 3. – С. 329–330.
12. Бурдьё, П. Социология социального пространства / П. Бурдьё. – Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – 288 с.
13. Ватолина, Ю.В. Чужой в философии Жана Поля Сартра / Ю.В. Ватолина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2009. – Т. 1. – № 3. – С. 26–33.
14. Власова, О.А. Социология человека Ирвинга Гофмана: личность как сопротивление социальному в теориях стигматизации и тотальных институций / О.А. Власова // Социологический журнал. – Москва: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2011. – № 4. – С. 5–20.

15. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс, К. Бердсолл. – Москва: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
16. Горбунова, М.Ю. Символический интеракционизм как методологическое основание исследования эмоций в социологии / М.Ю. Горбунова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – Саратов: СГУ, 2011. – Т. 11. – № 2. – С. 10–15.
17. Гоффман, Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений / Э. Гоффман. – Москва: Элементарные формы, 2019. – 464 с.
18. Дзюбенко, С.А. Особенности условий процесса социализации личности военнослужащего / С.А. Дзюбенко // Вестник магистратуры. Йошкар–Ола: ООО Коллоквиум, 2016. – № 4–3. – С. 61–63.
19. Дуглас, М. Чистота и опасность / М. Дуглас. – Москва: Канон-пресс-Ц, 2000. – 282 с.
20. Жэнгра, И. Социология науки / И. Жэнгра. – Москва: НИУ ВШЭ, 2017. – 112 с.
21. Зиммель, Г. Избранное. Созерцание жизни / Г. Зиммель. – Москва: Юрист, 1996. – 607 с.
22. Клиффорд, Г. Интерпретация культур / Г. Клиффорд. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 560 с.
23. Мацкевич, А.Ю. Жизненный мир в условиях тотального института / А.Ю. Мацкевич // Власть. – Москва: ООО «Редакция журнала «Власть»», 2021. – № 1. – С. 131–135.
24. Медведева, К.С. О «непутёвых черничках» и «птичках небесных»: парадокс монастырской тотальности // Журнал исследований социальной политики. – Москва: НИУ ВШЭ, 2019. – Т. 17. – № 3. – С. 331–344.
25. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – Москва: АСТ, 2006. – 873 с.

26. Мкртумова, И.В. О социальной конструкции девиации в различных социальных институтах: поиск взаимосвязей и закономерностей / И.В. Мкртумова // Вестник Казанского технологического университета. – Казань: КТУ, 2004. – № 1. – С. 431–435.

27. Олешкова, А.М. Социальные сети как современный тотальный институт / А.М. Олешкова// Общество: политика, экономика, право. – Краснодар: ХОРС, 2024. – № 10. – С. 61–66.

28. Рыболовлева, Ю.В. Тотальные и квази–тотальные организации: обзор основных концепций / Ю.В. Рыболовлева // Вестник экономики, права и социологии. – Казань: ООО «Эксперт 16», 2011. – № 2. – С. 238–240.

29. Рязанова, С.В. Закрытое религиозное сообщество: стратегия складывания и принципы функционирования / С.В. Рязанов // Социологическая наука и социальная практика. – Москва: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2020. – Т. 8. – № 2. – С. 86–100.

30. Саид, Э. Ориентализм / Э. Саид. – Москва: Русский Миръ, 2006. – 638 с.

31. Фуко, М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / М. Фуко. – Москва: Ad Marginem, 1999. – 480 с.

III. Учебная и справочная литература

32. Боголюбов, Л.Н. Обществознание: учебник для 10 класса. Базовый уровень: учебник / Л.Н. Боголюбов, А.Ю. Лазебникова, А.И. Матвеев [и др.]; под ред. Л.Н. Боголюбова, А.Ю. Лазебниковой. – Москва: Просвещение, 2023. – 287 с.

33. Боголюбов, Л.Н. Обществознание: учебник для 10 класса. Углубленный уровень: в 2ч. Ч. 1: учебник / А.Ю. Лазебникова, В.С. Басюк, Л.Н. Боголюбов [и др.]; под ред. А.Ю. Лазебниковой, В.С. Басюка. – Москва: Просвещение, 2023. – 287 с.

34. Боголюбов, Л.Н. Обществознание: учебник для 10 класса. Профильный уровень: в 2ч. Ч. 2: учебник / А.Ю. Лазебникова, В.Е. Зуева,

Л.Н. Боголюбов [и др.]; под ред. А.Ю. Лазебниковой, В.Е. Зуевой. – Москва: Просвещение, 2023. – 298 с.

35. Боголюбов, Л.Н. Обществознание: учебник для 11 класса. Базовый уровень: учебник / Л.Н. Боголюбов, Н.И. Городецкая, А.Ю. Лазебникова [и др.]; под ред. Л.Н. Боголюбова, А.Ю. Лазебниковой. – Москва: Просвещение, 2023. – 288 с.

36. Боголюбов, Л.Н. Обществознание: учебник для 11 класса. Углубленный уровень: в 2ч. Ч. 1: учебник / А.Ю. Лазебникова, В.С. Басюк, Л.Н. Боголюбов [и др.]; под ред. А.Ю. Лазебниковой, В.С. Басюка. – Москва: Просвещение, 2023. – 312 с.

37. Боголюбов, Л.Н. Обществознание: учебник для 11 класса. Профильный уровень: в 2ч. Ч. 2: учебник / А.Ю. Лазебникова, В.В. Блажеева, Л.Н. Боголюбов [и др.]; под ред. А.Ю. Лазебниковой, В.В. Блажеева. – Москва: Просвещение, 2023. – 272 с.

IV. Интернет-ресурсы

38. «Там всё решают санитары – бывшие зэки или военные». – [Электронный ресурс] // МСК1 // – URL: <https://msk1.ru/text/health/2023/07/31/72548855/> (дата обращения: 10.04.2025).

39. «Через пару дней они начинали есть мух». – [Электронный ресурс] // Лента.ру // URL: <https://lenta.ru/articles/2022/02/06/prison/> (дата обращения: 10.04.2025).

40. Устав Русской православной церкви. – [Электронный ресурс] // Азбука веры // URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/ustav-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/> // (дата обращения: 22.04.2025).

V. Источники на иностранном языке

41. Flaherty, M.G. The National Incidence of Juvenile Suicide in Adult Jails and Juvenile Detention Centers / M.G. Flaherty // Suicide and Life-Threatening Behavior. – 1983. – Vol. 13. – P. 85–94.

42. Goodman, B. Erving Goffman and the total institution / B. Goodman // Nurse Education Today. – 2012. – Vol. 33. – P. 81-82
43. McCorkel, J. Critical space as a form of resistance in total institutions and everyday life / J. McCorkel // Symbolic Interaction. – 1998. – Vol. 21. – P. 227–252.
44. Military Justice and the Response to Everyday Violence in the British Armed Forces. – [Электронный ресурс] // E-International Relations // URL: <https://www.e-ir.info/2025/02/07/military-justice-and-the-response-to-everyday-violence-in-the-british-armed-forces/> (дата обращения: 10.04.2025).
45. Morley, I.E. Henri Tajfel's Human Groups and Social Categories / I.E. Morley // British Journal of Social Psychology. 1982. Vol. 21. P. 189–201.
46. Morris, E.W. «Tuck In That Shirt!» Race, Class, Gender, and Discipline in an Urban School / E.W. Morris // Sociological Perspectives. – 2005. Vol. 48. – No 1. – P 25-48
47. Mouzelis, N. P. On Total Institutions / N. P. Mouzelis // Sociology. – 1971. – Vol. 5. – No 1. – P. 113–120.
48. Rakowski, K. Alienation and identity maintenance in quasi total institutions / K. Rakowski // The Journal for Undergraduate Ethnography. – 2021. – Vol. 6. – No 1. – P. 17–30.
49. Serpa, S. On the concept of Total Institution / S. Serpa // International Journal of Social Science Studies. – 2018. – Vol. 6. – No 9. – P. 31.
50. The University as a Total Institution. – [Электронный ресурс] // Quillette // URL: <https://quillette.com/2017/01/02/the-university-as-a-total-institution/> (дата обращения: 10.04.2025).
51. Current trends, key challenges and human rights. – [Электронный ресурс] // United Nations Office on Drugs and Crime // URL: <https://www.unodc.org/e4j/ru/crime-prevention-criminal-justice/module-6/key-issues/2--current-trends--key-challenges-and-human-rights.html> (дата обращения: 10.04.2025).